

Х Р О Н И К А

МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ
ежемесячный информационный бюллетень

№ 1 (43)
1999

январь

*Дорогие наши читатели!
Поздравляем вас с Новым годом и
Рождеством Христовым!
Желаем вам счастья и благополучия.*

«Хроника текущих событий» изменила название

Московская Хельсинкская группа (МХГ) на собрании 17 декабря 1998 г. приняла решение прекратить выпуск информационного бюллетеня группы под названием «Хроника текущих событий» и с начала 1999 года выпускать информационный бюллетень под названием «Хроника Московской Хельсинкской группы». Это вызвано совсем не тем, что бюллетень под престижным названием «Хроника текущих событий» не оправдал своего назначения.

С начала 1999 года будет выходить в свет журнал «Права человека». Новый журнал для региональных правозащитных организаций, который будет выполнять те функции, какие «Хроника текущих событий» выполняла в течение двух с половиной лет, помогая правозащитникам из разных регионов узнать, кто и что делает в правозащитном движении, у кого какие проблемы и достижения, помогая правозащитникам разных регионов почувствовать свою принадлежность к общероссийскому правозащитному движению.

Журнал «Права человека» учредили Иркутский фонд по защите прав и свобод человека, Московская Хельсинкская группа и Всероссийское движение «За права человека» на базе журнала, прежде издававшегося иркутскими правозащитниками для своего региона. С начала 1999 года он становится всероссийским.

Когда в мае 1996 года МХГ решила издавать информационный бюллетень «Хроника текущих событий», мы не могли мечтать о журнале, на это не было ни сил, ни средств. Сейчас это стало возможным. Так что прекращение «ХТС» — не печальное событие, а свидетельство роста и расширения возможностей российского правозащитного движения.

Решение МХГ продолжить издание своего информационного бюллетеня под новым названием — «Хроника МХГ» тоже вызвано ростом и расширением работы МХГ. Новое название объясняется тем, что большинство материалов нового бюллетеня теперь будет информировать правозащитные организации о том, что делает эта старейшая из ныне действующих в России правозащитных организаций. Пожалуй, еще год назад масштабы работы МХГ не были столь широкими, чтобы можно было посвятить им ежемесячный бюллетень. Сейчас это

стало возможным. Надеюсь, первый выпуск «Хроники МХГ» убедит в этом наших читателей.

Нельзя сказать, что тематика нового информационного бюллетеня МХГ очень изменится, ведь деятельность группы давно уже направлена на всестороннее обслуживание региональных правозащитных организаций. Пожалуй, что такие рубрики «Хроники Московской Хельсинкской группы» как «Партнеры МХГ», «Контакты МХГ» и другие, по-прежнему будут включать в себя материалы, рассказывающие о региональных правозащитных организациях, их проблемах, успехах и так далее. Только теперь это будет действительно хроникально, то есть гораздо меньше по объему. А развернутые рассказы о правозащитных организациях, судебных процессах, которые они ведут, и многом другом будет описывать всероссийский журнал «Права человека».

Новые рубрики новой «Хроники» будут включать методики правозащитного движения, сферы деятельности МХГ, ее обращения, новые инициативы и многое другое.

Работая в тесном контакте с редакцией журнала «Права человека» новая «Хроника» по-прежнему ждет от читателей писем с предложениями об улучшении нашей работы.

«Хронику МХГ» по-прежнему будет издавать Информационный центр правозащитного движения (ИЦ ПД) и редактор останется прежний — директор ИЦ ПД Елена Гришина. Периодичность тоже не изменится.

Итак, вместо информационного бюллетеня МХГ «Хроника текущих событий» правозащитные организации в российских регионах отныне будут получать (как и прежде, бесплатно) общероссийский журнал региональных правозащитных организаций «Права человека» (свой журнал) и информационный бюллетень МХГ «Хроника Московской Хельсинкской группы».

Я поздравляю моих коллег по правозащитному движению в российских регионах с этим событием, которое свидетельствует о наших общих успехах в нелегком, но благородном деле защиты прав человека в нашей стране.

Людмила Алексеева, председатель МХГ

Дело Василия Чайкина продолжается

В 18-ом и 19-ом номерах «Хроники текущих событий» за 1998 год уже публиковались материалы, связанные с судебным разбирательством по делу известного краснодарского правозащитника Василия Чайкина. Московская Хельсинкская группа взяла под свой контроль ведение этого судебного разбирательства и привлекла к работе адвоката Московской городской коллегии адвокатов Анну Ставицкую, которая стала официальным адвокатом В. Чайкина с ноября 1998 года.

А. Ставицкая рассказала о подробностях дела Чайкина и об изменениях, произошедших за последние месяцы.

В 1997 году на В. Чайкина было заведено уголовное дело, в результате обыска, произошедшего в его доме. Как объяснили оперативники, причина обыска заключалась в том, что по их данным В. Чайкин якобы занимался скупкой краденых видеокамер. Никакие видеокамеры в ходе обыска обнаружены не были. Зато в доме Чайкина оказалась девушка, которая заявила, что Чайкин ее изнасиловал. Факт изнасилования подтвержден не был. Но эта девушка назвала имена других девушек, которые теперь фигурируют в деле Чайкина как «потерпевшие».

Василий Чайкин обвиняется в ряде уголовных преступлений, совершенных им, согласно материалам следствия, в период с 1988 по 1997 год. Ему предъявлены обвинения по статьям 119 (ч.1), 120, 210 УК РСФСР (поскольку В. Чайкину инкриминируются преступления, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РФ) и по статьям 134, 242, 151 (ч. 3) нового УК РФ, связанным с интимными отношениями. Согласно УК РФ, максимальное наказание, грозящее В. Чайкину — это лишение свободы на срок до шести лет по статье 151 (ч.3). Треть этого срока Чайкин уже провел в камере предварительного заключения. Василий Чайкин не признает себя виновным ни по одному из пунктов предъявленного ему обвинения и требует оправдательного приговора.

Виновен Чайкин, или не виновен, решит суд. Но уже теперь очевидны погрешности следствия по его делу.

По словам адвоката Анны Ставицкой, дело Чайкина полностью основано на показаниях «потерпевших», которые отказываются признавать себя таковыми. Всего по делу значится 11 потерпевших. Одна из них отказалась от своих показаний на суде, заявив, что ее показания на следствии были даны под давлением следователя С. Цатуряна. Иных доказательств вины В. Чайкина, помимо свидетельских показаний, в деле нет.

А. Ставицкая выразила свое недоумение по поводу следующего обстоятельства: все свидетельницы по делу — девушки, учащиеся вспомогательных школ, не отличающиеся высоким уровнем развития, на суде выступали весьма сбивчиво, однако их свидетельские показания, предоставленные следствием, явно написаны человеком с университетским образованием. Кроме этого, у адвоката возникло ощущение, что девушек «научили» тому, как надо отвечать на суде.

На последнем судебном заседании В. Чайкин обратился к суду с ходатайством о проведении судебно-медицинской экспертизы на предмет того, возможно ли теоретически человеку с таким «букетом» болезней, как у него, вести столь активную половую жизнь. Как известно, 53-летний В. Чайкин имеет несколько серьезных заболеваний, в том числе ишемическую болезнь сердца, перелом позвоночника, стрептодермию и другие. Суд удовлетворил это ходатайство и назначил судебно-медицинскую экспертизу, которая будет проводиться в Краснодаре и реально по времени займет около полугода. Все это время В. Чайкин продолжает находиться под стражей.

Анна Ставицкая выразила мнение, что если результат экспертизы будет отрицательным для Чайкина, то это станет еще одним косвенным доказательством вины ее подзащитного.

Наталья Пуха,
г. Москва

Проекты МХГ

«Избирательные права граждан и их защита»

22 — 24 января 1999 года совместно с Национальным демократическим институтом международных отношений (НДИ) Московская Хельсинкская группа провела в Подмосковье семинар на тему «Избирательные права граждан и их защита».

К участию в семинаре были приглашены активисты тридцати региональных правозащитных организаций, как уже столкнувшихся с данной проблемой, так и находящихся под ее угрозой.

Цель семинара была в том, чтобы выработать скоординированную стратегию в области обеспечения избирательных прав граждан России. Кроме обмена мнениями, активисты правозащитного движения приняли участие в тренинге, направленном на выбор наиболее эффективных

путей защиты избирательных прав граждан. На семинаре прозвучал анализ проблем, связанных с нарушением избирательных прав граждан и выработаны механизмы их предотвращения.

Данный семинар продолжает серию семинаров, проводимых совместно МХГ и НДИ, и посвященных защите «пограничных» прав. Первый такой семинар на тему «Радиационная безопасность и права человека» был проведен в сентябре 1998 года при участии Социально-экологического союза России.

Даниил Мецераков,
управляющий делами
Московской Хельсинкской группы

Московская Хельсинкская группа распространила среди руководителей российских региональных правозащитных организаций информацию о Международной зимней школе по правам человека в Варшаве. О работе школы мы писали в № 18-ом «Хроники текущих событий» за 1998 год.

Международная зимняя школа приглашает вас

С 21 до 28 марта 1999 года Польский Хельсинкский Фонд по правам человека проводит в Варшаве традиционную Международную зимнюю школу по правам человека на тему «Механизмы защиты основных прав и свобод с особым учетом проблем, связанных с работой полиции, пенитенциарных заведений и психиатрических больниц». В работе школы запланированы следующие темы лекций: «Международные системы защиты прав человека - сравнительный анализ», «Защита прав человека системой ООН», «Защита прав человека в структуре Совета Европы», «Международные стандарты и судебная практика по делам, связанным с злоупотреблениями полицией», «Международные стандарты и судебная практика по делам, связанным с пребыванием в заключении», «Международные стандарты и судебная практика по делам, связанным с прослушиванием телефонных разговоров и перлюстрацией переписки», «Международные стандарты и судебная практика по делам, связанным с пребыванием в психиатрических больницах», «Стандарты, вытекающие из практики деятельности органов международных организаций по содержанию совершивших правонарушение несовершеннолетних и обращению с ними», «Что может стать предметом мониторинга, какие области жизни можно исследовать по методу мониторинга?», «Общие принципы мониторинга - определения, этапы мониторинга», «Обсуждение концептуального этапа подготовки мониторинга, выбор целей», «Анализ международного и внутреннего права», «Источники информации, определение техник работы, разработка инструментария по сбору информации (практикум)», «Действия по защите публичных интересов - стратегии публичных действий». Планируется также посещение польской тюрьмы, психиатрической больницы, полицейского участка и детской комнаты полиции.

К участию в школе приглашаются активисты из правозащитных организаций стран Восточной Европы, которые участвовали в Международной летней школе этого Фонда или в других правозащитных школах и уже обладают элементарными знаниями в области международных механизмов защиты прав человека и занимаются этими проблемами в своей повседневной работе. Участие в школе бесплатно. Фонд возмещает стоимость проезда и проживания во время семинара при условии участия во всех занятиях. Занятия сопровождаются синхронным польско-русским переводом.

Для участия в конкурсе претендентов на участие в школе необходимо заполнить и выслать в адрес Польского Фонда прилагаемую форму заявки (она должна быть получена Фондом не позднее 15 февраля 1999 года), письменную рекомендацию Вашей правозащитной организации, а также иметь действующий заграничный паспорт. Все хлопоты по оформлению въездной визы в Польшу или служебного штампа АВ на выезд в командировку в своем ОВИРе Вы должны будете взять на себя.

Отобранные кандидаты будут приглашены организаторами примерно 25 февраля 1999 года. Координатор проекта со стороны Польского Хельсинкского Фонда Адам Пырек. С ним, а также с другими сотрудниками Фонда можно связаться по телефонам/факсам: 8-10-48-22-828-10-08; 826-96-50; 826-99-57 или по e-mail: hffur@hffurpol.waw.pl. Всего для участия в школе будет отобрано 45 человек. Почтовый адрес Польского Хельсинкского Фонда по правам человека: Польша, 00-028, Warszawa, ul.Bracka, 18, m.62, Helsinska Fundacja Praw Cziowieka.

ЗАЯВКА НА УЧАСТИЕ

Имя и фамилия, пол, дата рождения, образование, профессия, наименование организации, адрес организации, тел., E-mail, область деятельности организации (чем занимается?), занимаемая вами должность в организации от (дата)... область непосредственной деятельности - тема проекта или программы, в которой вы работаете, в каких курсах по правам человека и когда вы принимали участие? Почему вы хотите участвовать в предложенном семинаре? для чего пригодится лично вам и вашей организации опыт, приобретенный на нашем семинаре? Подпись

Просьба заполнить формуляр на компьютере, пишущей машинке или печатными буквами вручную

Заполненный формуляр просим прислать **не позднее 15 февраля 1999 года**
Хельсинкский Фонд по правам человека Ul. Bracka, m.6200-028, Warszawa, Польша Факс: 0-048-22-828 10 08, 826-96-50 или 826-99-57

Инициативы МХГ

МХГ сотрудничает с Советом Европы

651-я сессия заместителей министров иностранных дел стран, участниц Совета Европы, проходившая 8-10 декабря 1998 года в Страсбурге, рассмотрела и одобрила предложенные Международной Хельсинкской Федерацией и Московской Хельсинкской группой образовательные правозащитные программы. Это позволит Московской Хельсинкской группе в 1999 году провести шесть семинаров для активистов российских региональных правозащитных организаций за счет средств и при участии Совета Европы.

Четыре семинара, посвященные знакомству с положениями Европейской конвенции по правам человека и

механизмами Европейской системы защиты прав человека, будут проведены с выездом в областные или республиканские центры.

Первый семинар, который предположительно состоится в конце февраля или начале марта в Москве, будет посвящен тактике отраслевого правозащитного мониторинга.

Предположительно на апрель 1999 года запланирован семинар для молодых (до 30 лет) активистов региональных правозащитных организаций.

Давид Мецержков, управляющий делами

Московской Хельсинкской группы

Предлагаем сотрудничать!

Редакция «Хроники Московской Хельсинкской группы» обращается с просьбой к нашим читателям принять участие в составлении вопросника, который мы затем опубликуем. Цель этого проекта заключается в том, чтобы выявить наиболее интересные вас проблемы в различных областях защиты прав человека, чтобы затем опубликовать методики их реализации. Речь идет о таких методиках, как, например методика отстаивания прав живущих в общежитии, которую описала Т.М. Котляр (г. Обнинск) в статье «Сколько стоит общежитие», опубликованной в № 17 (39) «Хроники текущих событий». Рекомендованные в статье действия помогли нашим красноярским коллегам.

Предлагаем приблизительный перечень вопросов, который просим дополнить:

1. Каковы основные сферы деятельности вашей организации?
2. С какими правозащитными организациями вашего или других регионов вы сотрудничаете?
3. Есть ли в вашей организации свои особые методики отстаивания прав граждан в каких-либо определенных сферах? Если да, то напишите нам о них.
4. Возникают ли у вас трудности во взаимодействии с властными структурами и судебными органами и т. д.?

Заранее благодарны,

редакция «Хроники Московской Хельсинкской группы»

Методики правозащитного движения

Фонд «Право Матери» защищает права и интересы родителей, чьи сыновья погибли в армии в мирное время на территории России и СНГ в результате уголовных преступлений, антисанитарных условий жизни, ненормального психологического климата. Надеемся, что опыт деятельности фонда «Право Матери» поможет вам в решении подобных проблем.

Родители погибшего в Чечне выиграли процесс против МВД и сто тысяч рублей!

Александр Толбонен из села Шелтозеро (Карелия), призванный в армию в 1995 году погиб в Чечне в августе 1996 года. Его родители, Анна и Александр Толбонены, подали к Министерству внутренних дел иск о возмещении морального вреда. Процесс в Прионежском районном суде г. Петрозаводска не мог начаться с апреля 1998 года, так как ответчики, представители МВД несколько раз не являлись в суд, никак не объясняя своего отсутствия. Наконец судья провела заседание в отсутствие ответчиков и вынесла решение в пользу родителей погибшего.

МВД обжаловало это решение, ссылаясь, в том числе и на то, что принято оно в отсутствие его представителей. Кассационную жалобу ответчика суд удовлетворил и решил вернуть дело в тот же суд на повторное рассмотрение другим составом суда. «Другой состав суда» возглавил председатель Прионежского районного суда Михаил Александрович Балицкий. Он тоже принял решение в пользу несчастных родителей. Их денежные требования оказались удовлетворены наполовину вместо двухсот тысяч рублей, которые они указали в иске, суд постановил взыскать с МВД сто тысяч рублей. Представитель МВД К.П. Лысов в этот раз на суде присутствовал. Решение суда еще не вступило в законную силу. Оно может быть обжаловано МВД в течение десяти дней после получения копии решения суда по почте. По сути, о судебной победе можно будет сказать лишь в начале февраля, если МВД все-таки не подаст кассационную жалобу. Тем не менее, прецедент, безусловно, создан!

По словам судьи М.Л. Балицкого, такое решение 12 января 1998 года он принял потому, что пожалел этих несчастных людей. Безусловно, самого Михаила Александровича это решение характеризует как доброго и порядочного человека. Из всех судей, занимавшихся исками родителей погибших ребят-«чеченцев» он такой — один. Трестам пятидесяти родителям со всей России, подавшим по инициативе Фонда «Право Матери» иски о возмещении морального вреда к МО и МВД в Пресненский и Замоскворецкий районные суды г. Москвы судьями отказано в принятии заявлений на том основании, что министерства, видите ли, не являются надлежащими ответчиками, а отвечать за смерть ребят на позорной войне должны, оказывается, военкоматы, которые призывали их в армию. (В армию, а не на бойню, потому что ни один райвоенкомат не принимал решения об отправке в Чечню конкретных солдат).

И еще раз подтверждается наличие и без того нам известной дикой российской особенности. Все здесь зависит не от закона, регулирующего отношения в обществе, а от расположения (либо отсутствия такового) у конкретного человека к другому конкретному человеку. Станет жалко, примем решение в твою пользу, а если нас раздражит не сумел, то и справляйся сам, как знаешь, тебе ведь никто ничем не обязан...

Вот такая судебная сенсация!

Фонд «Право Матери»

Приветствуем новую радиопрограмму!

(письмо правозащитников в Конгресс США)

Мы, давние слушатели радио «Свободы», приветствуем включение в расписание радиостанции программы «Человек имеет право».

Правозащитное движение в нашей стране имеет более чем 30-летнюю историю и многим обязано зарубежным радиостанциям, вещавшим на СССР, в первую очередь «Свободе». Советские СМИ не смели тогда даже произносить это словосочетание «права человека». Они вдалбливали в головы советских людей господствовавший в СССР принцип государственного устройства «человек для государства». «Свобода» наперекор советской пропаганде утверждала иной принцип «государство для человека». «Свобода» познакомила советских граждан с зачинателями правозащитного движения, исповедовавшими этот принцип, знакомила с их требованиями к властям уважать права человека, которыми каждый наделен от рождения. «Свобода» сделала общеизвестными расправы над правозащитниками, верующими разных конфессий, участниками национальных движений и другими инакомыслящими. Зарубежные радиостанции внесли неоценимый вклад в расширение умов советских людей, одурманенных коммунистической пропагандой, и тем самым способствовала краху советской идеологии и распространению идеологии свободного мира — идеологии прав человека.

В последние годы в расписании радио «Свобода» не было специальной программы по правам человека. Конечно, эта тема, так или иначе, присутствовала во многих программах — постоянные сообщения в новостях, интервью с ветеранами правозащитного движения и его нынешними участниками, комментарии к законам, принимаемым Государственной Думой и т.д. Но, по русской пословице, кашу маслом не испортишь. Регулярная 50-минутная программа «Человек имеет право» органична для этой радиостанции и, мы убеждены, весьма актуальна для России: масса российских граждан не знает своих прав и не умеет ими пользоваться, а правозащитное движение, ныне распространившееся по всей стране, нуждается в публичности не меньше, чем в советские времена, и так же как прежде не имеет собственных возможностей для распространения необходимой информации. Мы желаем успеха новой программе радио «Свобода» «Человек имеет право».

Лариса Богораз, Людмила Алексеева, Глеб Якунин, Александр Даниэль, Юрий Орлов

От редакции: Новая радиопередача «Человек имеет право» выходит на радиостанции «Свобода» по средам в 23.10 по московскому времени раз в две недели.

Председатель Московской Хельсинкской группы, президент Международной Хельсинкской Федерации Л.М. Алексеева выступила с публикуемым ниже докладом в Институте Кеннана (США) на конференции, проходившей 13-14 января 1999 года, посвященной становлению правозащитного движения в России.

Правозащитное движение в современной России

Дамы и господа, для меня большая честь выступать с этим докладом в заслуженно знаменитом Институте Кеннана и большая радость, что Институт проводит конференцию именно на эту тему — правозащитное движение в регионах.

Это движение — огромное достижение сегодняшней России и, на мой взгляд, самая большая ее надежда. Потому что, как вы знаете, в России тотальный кризис — и экономический, и политический, и духовный, и экологический. А вот в правозащитном движении кризиса нет. Наоборот, оно быстро развивается. Конечно, не без сложностей, но они преодолеваются, как всякий здоровый организм преодолевает болезни роста. Правозащитное движение в нашей стране имеет более чем 30-летнюю историю. Эту довольно продолжительную историю можно разделить на два периода: советский — классический, героический и нынешний — российский. В этот новый период правозащитное движение изменилось так круто, что можно было бы говорить о завершении правозащитного движения после краха СССР, и возникновении в России какого-то нового общественного движения, если бы не оставалась неизменной его цель — защита человека от государства и его основные принципы — ненасильственное сопротивление насилию и незаконию и гласность как основной метод борьбы с этим злом. Но в нынешнем правозащитном движении узнать прежнее также трудно, как увидеть черты младенца во внешности взрослого человека. И дело не только в естественном созревании движения. Советский Союз и Россия — разные государства. Проблемы прав человека в этих государствах разные и способы их решения различаются. В советский период мы на самом деле не защищали права человека, не было у нас такой возможности. Мы лишь провозглашали, что у человека есть права, которые государство обязано соблюдать. В России правозащитники смогли от слов перейти к делу. Сейчас

основное направление правозащитного движения — это защита конкретных прав конкретных людей. В СССР главной трудностью для правозащитников были жестокие преследования. В России, слава Богу, аресты за убеждения случаются редко и перестали быть фактором сдерживающим развитие движения. Можно сказать, что это требование правозащитников — не преследовать за убеждения — удовлетворено. И основное требование правозащитного движения советского периода выполнено — свобода слова и печати. Конечно, эта свобода не обеспечена полностью, но гласность достигла уровня, когда сам собой исчез самиздат. Именно расширение гражданских прав радикально изменило облик правозащитного движения. В течение всего советского периода правозащитное движение было почти полностью сосредоточено в Москве, и в каждый данный момент в нем участвовало несколько десятков активистов, в моменты подъема, может быть, одна — две сотни человек. Сейчас в Москве действует более сотни правозащитных организаций, но московские правозащитники — лишь малый отряд нынешнего правозащитного движения. Трудно найти российский город, где нет хотя бы одной правозащитной группы. В городах покрупнее их по несколько и даже по несколько десятков. Исходя из того, в России более тысячи городов, можно прикинуть численность участников правозащитного движения. Это несколько тысяч, а может быть несколько десятков тысяч человек. Это учителя, менеджеры не очень высокого уровня, юристы, журналисты, квалифицированные рабочие разных специальностей. Изменилась юридическая база правозащитного движения. В советский период правозащитники отвергали порядок, построенный на принципе — «человек существует для государства». Они требовали изменения этого принципа на обратный — «государство существует для человека». Они требовали этого, опираясь на международные соглашения по правам человека,

многие из которых Советский Союз ратифицировал. Нынешние правозащитники в неизмеримо лучшем положении. Конституция РФ в части прав и свобод граждан — на уровне законодательства передовых демократических стран современного мира. Теперь правозащитники требуют от чиновников действовать на основании Конституции и законов РФ, не нарушать их. Правозащитники получили возможность защищать права граждан, обращаясь в прокуратуру, в органы исполнительной и законодательной власти. Это предопределило изменение самого типа участников правозащитного движения. В советское время правозащитники действовали в основном как обличители. Ныне правозащитная деятельность — это лишь в малой части письменные и устные декларации, протесты против нарушения прав человека. В основном это каждодневная кропотливая, невидная работа по оказанию юридической помощи, по составлению бумаг в прокуратуру, суд, различные государственные учреждения, хождение по этим инстанциям эти функции не столь эффективны, как в диссидентские времена, но гораздо более эффективны с точки зрения защиты прав конкретного человека.

Правозащитные организации в провинции стали возникать с конца 80-х годов, т.е. еще в Советском Союзе. Но большинство ныне действующих в регионах правозащитных организаций возникло после принятия Российской конституции, что произошло в конце 1993 года. С самого начала провинциальные правозащитные организации отличались от московских. Московские правозащитные организации, как и прежде, сосредоточены на гражданских и политических правах. В провинциальных городах большинство организаций занимается преимущественно социальными проблемами, потому что таков социальный заказ от их сограждан. Сосредоточенность на социальных правах вызвана реалиями нынешней российской жизни. Российские граждане совсем недавно получили избирательное право, какого не было в Советском Союзе. Свобода российских средств массовой информации неизмеримо большая, чем в совсем недавние времена, как и свобода совести, и право создавать организации и т.д. Поэтому, несмотря на неразвитость всех этих прав россияне считают свое нынешнее положение вполне приемлемым. А вот с социально-экономическими правами получилось у нас не как у всех. Если во всем мире, чем больше демократии, тем выше благосостояние, то в России расширение гражданских и политических прав сопровождалось фактической отменой такой важной социальной гарантии как гарантия от увольнения с работы, крахом систем бесплатного обеспечения жильем, медицинским обслуживанием, образованием. И в довершение всего стали обычным явлением задержки пенсий, заработной платы и пособий. Конечно, социально-экономические права всегда главенствуют в сознании большинства во всех странах, и россияне ощущают их утрату особенно болезненно. К тому же защищать свои права наши люди в большинстве своем еще не умеют. Советские люди могли жаловаться в райком партии. Помогало это одному из ста обратившихся. Но сейчас нет райкомов партии. На самом деле появились более действенные и более достойные человека средства защиты от беззакония, свойственные демократическому обществу устройству: обращения в прокуратуру, в суд, коллективные протесты в виде пикетов, демонстраций и т.д. Но ничего этого большинство россиян делать не умеют. Вот эту новую нишу правового просвещения и стали заполнять правозащитные организации. Наиболее распространенной формой правозащитной работы в регионах являются общественные юридические приемные. Там граждане могут получить консультации, как

они должны действовать на основании закона, чтобы защитить свои права. А тем, кто сам это сделать не в состоянии, помогают решить их проблему сотрудники приемной, — пишут им «нежные» бумаги и даже защищают в суде. От контор профессиональных адвокатов общественные приемные отличаются, во-первых, тем, что в них обслуживают бесплатно, и, во-вторых, тем, что помогают там не всем обращающимся, а только тем, чьи права действительно нарушены. По началу в этих приемных почти не было профессиональных юристов. Оказывали юридическую помощь люди, которые сами пострадали от чиновничьего произвола, сумели его преодолеть и поделились своим опытом со своими согражданами. Основной поток обращений в эти приемные — как я уже говорила, по социально-экономическим вопросам. Например, старушке, которая работала во время войны, не дают полагающуюся ей за это прибавку к пенсии; мать-одиночка, единственный кормилец семьи, уволена с работы; городские власти снесли старый дом, а компенсации его жителям не выдают, и т.д. Это, в общем-то, простые вопросы, которые можно решить по определенной схеме, и поэтому возможна помощь даже не юриста, а просто знакомого с этими проблемами человека. И поначалу только такие вопросы и могли решать в общественных приемных. Но сейчас положение изменилось: почти во всех общественных приемных наряду с самоучками работают по одному, два профессиональных юриста, которые консультируют по сложным вопросам. Это и профессионалы, узнавшие о приемных и предложившие им свои услуги в свободное от работы время. Это и сами правозащитники, за эти годы, получившие юридический диплом в дополнение к прежнему, скажем, инженерному. Это и студенты-юристы, проходившие в общественной приемной учебную практику и продолжившие работать там уже после получения диплома. В каждой общественной приемной в течение года посетители исчисляются сотнями и даже тысячами. В масштабах страны это огромный охват. Кроме индивидуальных консультаций, сотрудники общественных приемных ведут правовое просвещение через местные средства массовой информации. Нередко они имеют постоянные колонки в местной прессе или имеют время в эфире по местному радио и выступают с консультациями по проблемам, с которыми к ним чаще всего обращаются.

Надо отметить, что государство практически не ведет такой просветительской работы. В этом отношении российское общество оказалось на самообслуживании. Более того, чиновники нередко стремятся скрыть от граждан те права и возможности, которые им предоставляет закон. Правозащитникам приходится преодолевать сопротивление чиновников, чтобы донести до людей эту информацию. В частности, открытие общественных приемных никак не поощряется властями. Лишь в редких случаях им предоставляют помещение для работы, чаще его приходится арендовать за плату, и это одна из основных проблем правозащитников — откуда взять деньги на аренду помещения, на оплату телефона и т.д. И не все могут себе позволить иметь помещение.

Станислав Великородчанин в Ростове-на-Дону, который консультирует призванных на военную службу и солдат срочной службы, ведет прием в квартире, в которой он живет вместе с несколькими соседями, имея там лишь одну комнату. Очередь к нему стоит на лестнице перед этой квартирой. В Кургане правозащитники вынуждены снимать под приемную помещение на окраине города, поскольку там дешевле, и приходится довольно часто менять помещение, так как те, кто его сдает, под давлением властей отказывают им в продолжении аренды. Но есть и такие регионы, где власти сознают необхо-

димось просветительской работы правозащитников и помогают им.

Имеют помещения в государственных зданиях правозащитные центры в Перми, в Новгороде, в Таганроге, в Екатеринбурге, некоторые правозащитные организации в Москве и Санкт-Петербурге. Несмотря на эти трудности, эта форма правозащитного движения — общественные приемные — очень быстро развивается. Сейчас это уже общероссийская сеть, они знают друг друга, делятся опытом.

Так, в городе Обнинске Калужской области правозащитники сумели добиться выполнения в городе закона, который дает 50%-ую скидку по оплате за государственные квартиры и за коммунальные услуги, но этот закон, практически нигде не работал. Татьяна Котляр, добившаяся его выполнения у себя в городе, описала процедуру обращения в суд, вынудившую мэра города выполнять этот закон. Через информационные издания московских правозащитников этот опыт был распространен по правозащитным организациям и теперь успешно используется во многих городах. Таким же образом провел всероссийскую кампанию правозащитник из Иваново Сергей Вальков. Он выступил против перевода телефонных переговоров частных абонентов с фиксированной месячной оплаты на повременную оплату. Этот перевод планировался в масштабе всей страны, но до сих пор провести его не удалось. Ведут правовое просвещение через свои общественные приемные и правозащитные организации, отстаивающие права определенной категории граждан: Комитеты солдатских матерей, организации беженцев и вынужденных переселенцев, женские организации, организации защиты прав детей, заключенных, бездомных и т.д.

При огромной значимости юридической помощи и правового просвещения населения это, разумеется, не единственная форма правозащитной работы.

Начиная с конца 80-х годов, информация о разных сторонах жизни общества стала постепенно расширяться, и перед правозащитниками открылись новые сферы деятельности: приподнялась завеса над происходящим в армии, стало известно о безумной экологической политике советского государства, стало поступать гораздо больше информации из мест заключения, где условия содержания ужасны. К старым проблемам прибавились новые, вызванные развалом Советского Союза и экономическим кризисом. Это гибель людей в «горячих точках», страдания и материальные утраты беженцев, длительные задержки заработной платы, пенсий и пособий. Всеми этими проблемами стали заниматься российские правозащитники, благо сил у них прибавилось. Практически все правозащитные организации во всех регионах занимаются проблемой избений в милиции. Из-за массовости этого явления, оно стало нашим национальным бедствием.

При всем разнообразии правозащитных организаций и многочисленности трудностей в их работе можно утверждать, что общая проблема и главная трудность в их работе это то, что в России законы не работают. Это касается всех уровней исполнительной власти от президента страны до самого ничтожного клерка — все они нарушают Конституцию и законы. Но самое опасное, что правовым нигилизмом заражены правоохранительные органы и судебная система. Это тормозит развитие правозащитного движения и гражданского общества вообще. Ведь правозащитники работают в правовом поле и стремятся убедить граждан отстаивать свои права правовыми методами, а не взятками и т.п. И вот человек подает в суд иск, например, о выплате задержанной заработной платы. Суд выносит постановление: иск удовлетво-

рить. А предприниматель и после этого зарплату не выплачивает, да еще начинает притеснять подавшего на него в суд работника и не несет за этот никакого наказания. Или еще чаще такое случается: правозащитники помогают человеку, обратившемуся в общественную приемную, составить иск по поводу совершенно очевидного нарушения его прав. Например, чтобы металлургический комбинат «Северсталь» в городе Череповце взял на себя расходы по переселению его семьи в другой район города, так как его квартира оказалась в «санитарной зоне» — так называется территория вокруг комбината, где дышать невозможно из-за его вредных выбросов. А суд отказывает в иске, хотя есть совершенно определенный закон, что предприятие обязано компенсировать такие расходы. Отказывает потому, что собственник комбината — хозяин в городе, им куплены местные СМИ и городские власти, включая суды. Правозащитники обращаются в следующую инстанцию — в областной суд. И там отказ. Наконец, дело добивается до Верховного суда РФ. На Москву власть череповецкого магната не распространяется. Но Верховный суд завален такими же жалобами на незаконные решения судов низших инстанций из всех российских регионов и нередко штампует решения областных судов, не вникая в суть дела. Истец получает ответ, что ему отказали правильно — судебная система пробуксовывает. Можно представить себе разочарование и истца. И правозащитников из общественной приемной, потративших много сил и времени на отстаивание этого иска и получивших совершенно немотивированный отказ.

Тем удивительнее, что несмотря на правовой беспредел в стране, правозащитное движение очень быстро растет и крепнет.

Организации правозащитников возникали в регионах спонтанно по инициативе местных энтузиастов и в какое-то время они не имели связи между собой не только в масштабах страны, но и в собственном регионе и даже в своем городе подчас не знали о существовании других организаций. Они были атомизированы. Поэтому до самого последнего времени, несмотря на быстрый рост численности правозащитных организаций в регионах, нельзя было говорить, что в России есть правозащитное движение. Можно было говорить, скажем, о движении «Мемориал». В 1988 году одновременно в Москве и в нескольких провинциальных городах возникло общество «Мемориал», имеющее общероссийское объединение. В середине 90-х годов объединились комитеты солдатских матерей (КСМ). Они создали свою вертикаль: местные комитеты, региональные комитеты, российский комитет. Объединены в свой форум организации беженцев и вынужденных переселенцев. Организации, занимающиеся правами заключенных, не объединены формально, но издавна имеют хорошие связи с Московским центром, которым руководит Валерий Абрамкин, и через этот центр — друг с другом.

Московская Хельсинкская группа (МХГ) — старейшая из правозащитных организаций, ныне действующих в России, в 1996 году на конференции в честь своего 20-летия заявила, что делает главным направлением своей работы обслуживание региональных правозащитных организаций, и с тех пор этим занимается: снабжает их юридической и правозащитной литературой, организовала их информационное обеспечение, что ускорило налаживание связей и внутри регионов, и между регионами. Когда мы начинали эту работу, мы имели связи с 50-ю организациями в регионах, сейчас в банке данных МХГ более 1000 правозащитных организаций. Это сыграло, несомненно, свою роль в быстрой структуризации правозащитного движения. В 1996 году возникли пять регио-

нальных объединений, в которые входило по несколько правозащитных организаций. Сейчас такие региональные центры имеются уже в 30 регионах, т.е. в каждом третьем. А в ноябре 1997 года представители правозащитных организаций из 57 регионов, собравшиеся на семинар, организованный Московской Хельсинкской группой, заявили о создании Движения «За права человека». Теперь это объединение официально зарегистрировано, и вместе с МХГ и Иркутским правозащитным Фондом с января этого года стало выпускать общероссийский журнал «Права человека», который будет распространяться бесплатно по 500 правозащитным организациям, а по мере изыскания средств тираж будет увеличиваться. С 1 октября 1998 года МХГ начала большой проект «Мониторинг прав человека в РФ». Идея этого проекта в том, что правозащитники каждого региона будут осуществлять мониторинг прав человека на своей территории и составлять ежегодно доклад о положении с правами человека в их регионе. Региональные доклады составляются по единой схеме, в основу положена Европейская Конвенция прав и свобод человека. На базе региональных докладов будет ежегодно составляться общероссийский доклад о положении с правами человека. В 1998 году мониторинг начался в 30 российских регионах, в 1999 году мы надеемся включить еще 40 регионов, и в 2000 году охватить все 89 российских регионов. Этот мониторинг — первое общее дело, в которое вовлечены правозащитные организации всех российских регионов. Это значит, в России уже действительно существует не просто конгломерат правозащитных организаций, а правозащитное движение. Однако это движение никак нельзя назвать однородным. Дело в том, что между российскими регионами очень велики различия: в экономических условиях, в политической обстановке и в культурно-этнографическом отношении. Эти различия не меньше, а может быть больше, чем между различными европейскими государствами. Это не может не сказываться на состоянии правозащитного движения и на работе каждой организации.

Скажем, Москва и Санкт-Петербург по условиям работы правозащитников ближе к европейским, в том хотя бы отношении, что мы тесно связаны с международными организациями и западным миром вообще. Благодаря этому, правозащитники здесь работают в гораздо лучших условиях, чем даже в тех регионах, где губернаторы хотя бы называют себя демократами. Таковы Пермь, Новгород, Саратов, Республика Коми. Сносные условия работы имеются в регионах, где в силу разных обстоятельств уже сложились сильные правозащитные организации, и местным властям поневоле приходится с ними считаться. Таковы Иркутск, Красноярск, Екатеринбург, Кемерово, Казань, Томск. Есть регионы, где правозащитники добились существенных успехов, несмотря на явное противодействие властей, не желающих считаться с Конституцией и правами человека. Это Воронеж, Псков, Тула, Краснодар, Курск, Липецк. Но есть в России такие регионы, в которых царят средневековые порядки. Это Калмыкия и Башкирия. В Калмыкии вообще нет общественных организаций, а в Башкирии правозащитники работают в условиях, очень близких к тем, в которых работали правозащитники в Советском Союзе. Не только условия различаются по регионам, но и организации, как и положено организациям, возникшим самостоятельно, а не организованным сверху, тоже друг на друга не похожи. У каждой есть своя изюминка, свое наиболее успешное направление. В Красноярске и в Новгороде первыми стали привлекать к работе в общественных приемных студентов юридических ВУЗов. В Иркутске Правозащитный Фонд наиболее преуспел в создании сети приемных в

масштабах области. Сейчас такие приемные действуют в 17 из 19 городов области. В 4 городах Иркутской области были избраны мэрами кандидаты, которых поддерживали правозащитники, и теперь все их акции пользуются поддержкой местной власти. В Свердловской области удалось создать сеть независимых библиотек, в которых широко представлена правозащитная литература и проводятся соответствующие консультации. В Рязани издается прекрасный историко-просветительский правозащитный журнал «Карта», который известен по всей стране. Там же, в Рязани, а также в Архангельске, в Нижнем Тагиле и в Кемеровской области налажено тесное взаимодействие между правозащитными организациями и свободными профсоюзами, что укрепило и тех и других. В Пензе накоплен большой опыт реабилитации и амнистирования солдат, бежавших из армии из-за избиений и других унижений. В Брянске сильная правозащитная организация бывших военнослужащих, отстаивающих свои права. В Пензе, Нижнем Тагиле и Череповце правозащитники работают в тесном контакте с экологами, т.к. это регионы с ужасными экологическими условиями. В Перми и Воронеже правозащитные центры помогли создать и зарегистрировать десятки новых общественных организаций. В Воронеже, Перми, Томске добились существенных успехов во включении предмета «Права человека» в школьные программы, а в Красноярске — в программы местного университета. Обнинские правозащитники первыми стали распространять свои know how во всероссийском масштабе. В Казани уже второй год проводят мониторинг по правам человека в масштабах республики и выпускают соответствующие доклады. В Ростове выпустили доклады о нарушении прав призываемых на военную службу и о нарушениях прав граждан в процессе разбирательства их дел в судах. В Нижнем Новгороде в 1998 году провели мониторинг «Пытки и избиения в милицеских отделениях города». В Южно-Сахалинске и Нижнем Новгороде подняли на общероссийский уровень вопрос о нарушениях избирательных прав граждан в этих регионах. В Красноярске научились принуждать власти и предпринимателей выплачивать заработную плату в срок. Этот перечень можно продолжать еще очень долго, но мое время истекает, а я хочу затронуть еще одну очень важную для правозащитников тему: отношение к ним федеральных властей.

В июне 1996 года вышел в связи с 20-летием Московской Хельсинкской группы Указ Президента Ельцина «О некоторых мерах поддержки правозащитного движения в Российской Федерации». Президент рекомендовал региональным властям поддерживать правозащитников, в частности выделять их организациям помещения на льготных условиях и включать правозащитников в комиссии по правам человека при местной администрации. В комиссии правозащитников включили в 10 регионах из 58, где такие комиссии имеются, но и в этих 10 регионах — по одному — два человека. Только в Ярославской области в совсем недавно созданной комиссии правозащитники составляют большинство. Комиссию по правам человека при Президенте РФ с 1993 года возглавлял известный правозащитник Сергей Ковалев и эта комиссия имела прочные связи с правозащитными организациями, особенно московскими, служила как бы каналом связи между правозащитным движением и федеральными властями. Но Ковалев покинул этот пост в 1995 году в знак протеста против начавшейся в Чечне войны, а новый глава Комиссии Владимир Карганкин начал с враждебного отношения к правозащитникам. Но надо признать, что он проделал эволюцию и сейчас стремится с ними сотрудничать. Однако ему приходится преодолевать их понятную настороженность. Уполномоченный по правам

человека Олег Миронов понятия не имеет ни что такое правозащитное движение, ни даже что такое права человека. Он не раз заявлял, что готов к сотрудничеству с правозащитниками, но пока это только заявления. Что касается правозащитников, то московские постепенно преодолевают отвращение к идее сотрудничества с властями, этот синдром они приобрели еще в советские времена. А в регионах большинство правозащитников стремится к такому сотрудничеству, поскольку без этого их работа не может быть эффективной. Сотрудничество это налаживается с большим трудом и далеко не во всех регионах.

На зрелость правозащитного движения и его возросшие возможности указывает постоянное в последний год обращение правозащитников к властям с требованием введения общественного контроля во всех сферах жизни, касающихся прав человека. Конкретно сейчас речь идет о контроле за детскими домами и другими подобными учреждениями для детей, о контроле в милицеских

Правозащитный центр "Мемориал" обратился к правозащитным общественным организациям России с нижеследующим письмом.

Об отношении к уполномоченному по правам человека в РФ О.О. Миронову

Дорогие друзья! К этому письму мы прилагаем опубликованное недавно в «Новых Известиях» интервью Уполномоченного по правам человека О. Миронова. Хотя текст этот в комментариях практически не нуждается и повторяет ранее им заявленное, мы хотим в нескольких словах обосновать свое отношение к его автору.

Прошло более полугода с момента назначения Олега Орестовича Миронова Уполномоченным по правам человека РФ.

Хотя за это время он успел неоднократно высказаться и о российской истории последних десятилетий, и о современной ситуации в Российском государстве, и о месте структур Уполномоченного по правам человека в России, и о своей роли в должности Уполномоченного, Правозащитный центр "Мемориал" не выразил свое отношение к высказываниям и действиям О. Миронова - нам это казалось незачем.

Во-первых, мы не хотели, чтобы наша оценка программы и деятельности Уполномоченного была воспринята как следствие наших пристрастий, как отношение к процедуре его избрания, к личности избранного, к его политической принадлежности и взглядам - к тому, что в результате политического компромисса Уполномоченным стал представитель коммунистической партии.

Мы надеялись, что нам удастся наладить диалог, а при возможности и конструктивное сотрудничество с новым Уполномоченным, - как и с любой другой государственной структурой. К сожалению, результатов мы пока не добились. Остается без ответа направленное Уполномоченному письмо об отношении к политическим репрессиям советского времени, как и обращения к сотрудникам аппарата Уполномоченного по ряду конкретных случаев.

Между тем, поддержка первым Уполномоченным усилий правозащитных организаций резко увеличивала эффективность их работы. В свою очередь, Сергею Адамовичу Ковалеву, не имевшему своего аппарата (почему - скажем ниже), помогали общественные организации - в их числе и "Мемориал". Мы вполне эффективно сотрудничали с Уполномоченным в вопросах восстановления прав жертв репрессий в СССР и при работе в зонах вооруженных конфликтов на Северном Кавказе.

участках, чтобы прекратить избиения задержанных; о контроле за пенитенциарными учреждениями. Правозащитное движение уже достигло того уровня зрелости, который необходим для осуществления общественного контроля. Однако власти психологически не готовы к этому, хотя очевидно, что ослабевшее государство само, без активной помощи граждан, не способно восстановить правопорядок в стране. Отсюда следует, что правозащитники должны заняться правовым просвещением не только своих граждан, но и государственных чиновников, прежде всего в правоохранительных органах и в судах. На этом поприще правозащитники делают лишь самые первые шаги.

Людмила Алексеева

В этом вторая причина нашего молчания: мы не хотели, чтобы наши оценки были восприняты как следствие личных симпатий - ведь именно критика своего предшественника стала стержнем выступлений нового Уполномоченного по правам человека. Пока из этой критики не выросла собственная конструктивная программа действий. Единственное требование О. Миронова - служба Уполномоченного не имеет аппарата, лишена материальной базы и не включена в "реестр". Мы с ним согласны: всего этого очень не хватало Уполномоченному во время чеченской войны. Но О. Миронов зря возлагает ответственность за сегодняшнюю бедность своей службы на С. Ковалева: ведь это левое думское большинство блокировало принятие подготовленного им закона "Об уполномоченном" до тех пор, пока не сместило его с этого поста.

Отказ от диалога с общественными организациями, подмена права политикой, и единственное явно выраженное стремление: попасть в "номенклатуру" - ни в какой иной деятельности нынешний Уполномоченный по правам человека пока замечен не был.

Мы надеялись найти за привычными фразами хоть какое-то новое содержание. Интервью О. Миронова "Новым известиям" (от 7 декабря 1998 года, распространенное также в сети Internet), в котором повторены все те же утверждения, лишает нас последних надежд на сотрудничество с ним и с его аппаратом. Это не предвыборные заявления, не дань партийной принадлежности и не критика предшественника на посту, а программные заявления и личные убеждения политика. Мы говорили выше, что готовы взаимодействовать со всеми государственными учреждениями, но должность Уполномоченного по правам человека - пожалуй, единственная, основанная, прежде всего на авторитете личности. Сотрудничество с человеком таких убеждений для нас невозможно, как и взаимодействие со структурой, исполняющей подобную программу.

Правозащитный центр "Мемориал" принял решение открыто разъяснить свою позицию. Мы воздерживаемся от контактов с О. Мироновым и его аппаратом, ведь подобные связи создавали бы иллюзию существования службы Уполномоченного, не принося никаких практи-

ческих результатов. Мы предлагаем вам учесть наш опыт, избавиться от подобных иллюзий и продолжать свою работу; может быть, когда-нибудь мы дождемся появления в России Уполномоченного по правам человека.

Правозащитный центр «Мемориал»,

К открытому письму «Мемориала» присоединились многие правозащитные организации Москвы.

Региональные постановления должны подчиняться Федеральным законам!

В январе 1999 года члены Инициативной группы «Общее действие» направили письмо начальнику ГУВД Москвы г-ну Куликову Н.В., прокурору г. Москвы г-ну Герасимову С.И., первому заместителю Генерального прокурора РФ г-ну Чайке Ю.Я. и первому заместителю министра ВД РФ г-ну Латышеву П.М. с предложением провести «круглый стол» по проблемам реализации в Москве права на свободу передвижения.

Предлагаем вашему вниманию текст этого письма. Также мы публикуем совместное указание министра ВД и Генерального прокурора от 10 ноября 1998 г. всем органам ВД и прокуратурам РФ «О неотложных мерах по устранению нарушений законодательства о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства», на которое ссылаются в своем письме члены «Общего действия». Мы надеемся, что эта информация поможет вам в работе по отстаиванию прав беженцев и вынужденных переселенцев.

Уважаемые господа!

Общественные организации, входящие в группу «Общее действие», неоднократно проявляли свою обеспокоенность режимом регистрации по месту жительства и месту пребывания в органах внутренних дел Москвы. Нам постоянно приходится сталкиваться с необоснованными отказами в регистрации по месту жительства владельцев в жилье, принадлежащем им на правах собственности, родителей, детей и других ближайших родственников к владельцам жилья, а также в регистрации по месту пребывания на указанный хозяевами срок. При этом паспортные столы ссылаются на признанные Постановлением КС от 02.02.98 г. неконституционными нормы правил регистрации. Следует отметить, что суды, без единого исключения, принимают положительные решения по жалобам наших подопечных на отказ в регистрации, что должно обратить на себя ваше внимание.

Мы считаем необходимым вернуться и к вопросу о действиях патрульно-постовой службы в Москве. Достаточно провести 10 минут рядом с сотрудником милиции, несущим патрульную службу, чтобы убедиться, что основное внимание его приковано не к нарушителям и бандитам, а к «брюнетам», этнически напоминающим кавказцев, приезжим и просто к людям с большими сумками. У них без повода требуют предъявления документов, ведут в отделение, штрафуют за отсутствие регистрации, обирают, отбирают паспорта, грубо оскорбляют и нередко бьют. Во многих отделениях милиции до сих пор

под стеклом лежит Распоряжение № 637, давно отмененное.

Все перечисленное широко известно, неоднократно освещено СМИ, привлекло внимание Генеральной прокуратуры, обсуждавшей на коллегии в сентябре 1998 г. нарушения Закона «О праве на свободу передвижения и выбор места жительства» и принесшей в Московскую Думу протест по поводу Закона № 33, ставшего основным бичом приезжих в Москве.

Нам хочется напомнить, что совместным письмом от 10 ноября 1998 г. Министром ВД и Генеральным Прокурором всем органам ВД и прокуратурам дано указание принять меры по пресечению нарушений и «установить постоянные контакты с общественными правозащитными организациями и обеспечить оперативное реагирование на поступающую от них информацию». Срок отчетности по данному письму 1 февраля 1999 г.

В связи с изложенным мы уже далеко не в первый раз предлагаем провести с участием депутатов Московской городской Думы и Правительства Москвы «круглый стол» для самого широкого обсуждения реализации в Москве права на свободу передвижения, которым в соответствии с 27 статьей Конституции РФ обладает, каждый, кто на законных основаниях находится на территории России.

Подписали члены Инициативной группы
«Общее действие»

Указание прокурорам субъектов Российской Федерации министрам внутренних дел, начальникам ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, 8 ГУ МВД России

О неотложных мерах по устранению нарушений законодательства о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства

Обобщение практики прокурорского надзора за исполнением Федеральных законов «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», «О беженцах», «О вынужденных переселенцах» свидетельствует о распространенности грубых нарушений федерального законодательства, регулирующего миграцию населения.

По сообщениям прокуроров права граждан, в

том числе беженцев и вынужденных переселенцев, ущемляются отдельными должностными лицами представительных и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации, паспортно-визовых подразделений органов внутренних дел, жилищных органов, органов социальной защиты, служб занятости.

Факты принятия органами власти субъектов Российской Федерации правовых актов, не соответствующих федеральному законодательству,

вскрыты в республиках Адыгея и Кабардино-Балкария, Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, г. Санкт-Петербурге и некоторых других регионах.

Одновременно в ряде субъектов Российской Федерации имели место случаи произвольного изменения установленного законодательством порядка регистрации вынужденных переселенцев и беженцев по месту пребывания и по месту жительства.

Органы региональной и местной власти непропорционально наделяли подразделения милиции не предусмотренными законодательством полномочиями, что выражалось в искусственном воспрепятствовании гражданам в прибытии в определенные местности, а также в незаконном применении к ним мер административного принуждения и взимании различных сборов (Республика Северная Осетия-Алания, Астраханская и Московская области, г. Москва и др.)

В Кабардино-Балкарии отдельные сотрудники милиции непосредственно принимали участие в массовых акциях протеста против поселения в республике лиц других национальностей.

Несмотря на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1998 года № 4-П, призванного не соответствующими Конституции Российской Федерации пунктами 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 года № 713, не принималось мер по отмене незаконных решений в отношении мигрантов, а регистрация граждан ставилась в зависимость от нормы жилой площади, фактического состояния жилья, сроков проживания граждан по месту пребывания и наличия родственных отношений.

Не отвечает требованиям, предъявляемым к решению затронутой проблемы, прокурорский надзор, который в отдельных регионах имеет больше созерцательный характер. Органы прокуратуры порой примиренчески относятся к ущемлению прав и свобод граждан. Принимаемые по этим вопросам меры прокурорского реагирования зачастую неадекватны сложившейся обстановке, носят запоздалый характер и не всегда сопровождаются фактическим устранением выявленных нарушений.

Не достигнуто должное взаимодействие с общественными правозащитными организациями по защите законных прав беженцев и вынужденных переселенцев.

С учетом изложенного

Предлагаем:

1. Рассмотреть в IV квартале 1998г. за координационных совещаниях правоохранительных органов субъектов Российской Федерации склады-

вающую практику соблюдения законодательства в области свободы передвижения граждан, выбора ими места пребывания и жительства, выработать согласованные меры по пресечению нарушений прав мигрантов.

2. Установить постоянные деловые контакты с общественными правозащитными организациями и обеспечить оперативное реагирование на поступающие от них информацию о нарушении прав и свобод граждан.

3. Прокурорам субъектов Российской Федерации проанализировать (в срок до 30 декабря 1998г.) принятые органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления нормативные акты, определяющие порядок въезда граждан в отдельные регионы и постановки их на регистрационный учет (снятия с регистрационного учета). Принять исчерпывающие меры к отмене актов, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству и постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации.

4. Министрам внутренних дел, начальникам ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации 8 ГУ МИД России:

4.1. Обеспечить в деятельности паспортно-визовых подразделений строгое соблюдение действующего законодательства о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, а также правил регистрационного учета населения.

4.2. Активизировать работу по профилактике правонарушений в жилом секторе, розыску преступников, лиц, скрывающихся от следствия и суда, без вести пропавших, граждан, утративших связь с родственниками, а также лиц, уклоняющихся от исполнения решений судов по искам.

4.3. Практиковать совместно с органами прокуратуры проведение проверок по соблюдению физическими и юридическими лицами нормативных правовых актов, касающихся регистрации граждан по месту пребывания и по месту жительства. Принимать эффективные меры по устранению выявленных недостатков.

5. О проделанной работе доложить к 1 февраля 1999 года в порядке ведомственной подчиненности в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации.

6. Контроль за исполнением настоящего указания возложить на первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Чайку Ю.Я. и заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации Латышева П.М.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.И. Скуратов (№ 73/7 от 10.11.98)
Министр внутренних дел Российской Федерации С.В. Степашин (№ 3 от 03.11.98)

Правозащитники в «глубинке»

Возраст российского правозащитного движения — более тридцати лет, оно возникло в середине 60-х годов в Москве и первые двадцать лет, до середины 80-х годов, существовало, пожалуй, только в столице. Во время всплеска общественной активности в конце 80-х — нача-

ле 90-х стали появляться правозащитные группы в других российских городах. С середины 90-х годов этот процесс убыстрился, и сейчас во всех больших городах действуют правозащитные организации. В тридцати регионах они объединились в центры, ассоциации или

какие-то общие структуры. Но в маленьких городках правозащитные организации стали появляться лишь в самое последнее время, там это еще новое явление. Тем интереснее узнать, что собой представляют эти организации, что делают, удастся ли им чего-то добиться, какие люди их создали, и в них работают.

Михаил Константинович Перчанкин, герой нашего рассказа, возглавляет правозащитную организацию в городе Павлово. Это районный центр Павловского района Нижегородской области, в районе проживают около 120 тыс., в городе — 85 тыс. жителей.

Путь Михаила Константиновича Перчанкина в правозащитное движение довольно типичен: началось все с того, что ему пришлось отстаивать свои собственные права и в этом он преуспел. Теперь использует приобретенное умение, чтобы защищать права других. Михаил Константинович рассказал о себе и о том, как он стал правозащитником.

— Кто я? По образованию дипломированный инженер и экономист. В силу сложившихся обстоятельств пришлось пройти и народные университеты, перекалфицироваться, в правозащитника может быть это громко сказано, скорее, наверное, в человека, отстаивающего как свои права, так и права других. Я фермер, руководитель фермерского объединения Нижегородской области, Павловского района. У меня было 7 голов крупного рогатого скота — это на двух человек довольно приличная норма. А фермерское хозяйство состоит из меня, как руководителя, и жены — она же доярка, она же главный бухгалтер. Моя жена москвичка, это я «сельскохозяйственник». Она корову видела должно быть только на ВДНХ, да в кинохронике, но взялась быть дояркой и, кстати, получилось.

Будучи фермером получил свидетельство на землю, в котором написано, что земля, на которой работаю, — моя частная собственность. Тогда я был наивен и думал, что фермерский труд — это свободный труд, труд независимый от чиновников. Теперь думаю, что ошибался.

В 1995 году в декабре месяце мне нужно было по плану убрать лесонасаждения, самовольную поросль, примерно 200 деревьев. Я считал, что на своей земле, на своих 24 гектарах, могу делать все за исключением того, что запрещено. Например, не могу выращивать мак или коноплю. Вся остальная моя производственная деятельность укладывалась в рамки устава сельскохозяйственного предприятия. Но не тут то было. Когда я начал производить культурно-технические работы, то вдруг почему-то ко мне в деревню приехал майор милиции и предложил свою дружбу. В дальнейшем выяснилось, в чем должна, по его мнению, состоять наша «дружба». Через это прошли все фермерские хозяйства. Он предложил свои услуги по охране моего хозяйства. Но зачем мне охрана? У меня две собаки, довольно породистые и этого достаточно. Ведь люди могут подвести, а собаки не подведут! Буквально через два с половиной месяца против меня было возбуждено уголовное дело по статье 166 пункт 1. Это нарушение лесного фонда в защищенной лесополосе. То есть якобы прямое нарушение мною законодательства о лесных угодьях.

Земельный участок у Михаила Константиновича не приведи Господи: в полсотне метров от дома проходит водосборный канал, который правильнее было бы назвать большой канавой, обросшей по болотине лесом-самосадом. Надо скот перегнать на другую сторону, на выпас — шесть километров гони в обход. А это четыре перегона за день, литра по два теряет каждая корова.

Запланировал фермер канал тот прочистить, положив в воду трубы большого диаметра, сделать мостки для перегона скота, а перед домом расширить до 10 метров,

чтобы он был водоемом для полива и пожарным водоемом. Были намерения попозже и зарыбить его. Оформил он соответствующие бумаги, нашел подрядчика и стал готовить фронт работ — вырубать иву и березки.

Вот тут-то и нагрянул майор Морозов с расследованиями и с понятиями. Наезжал тайком, хозяина не уведомляя, считал пенки, а в акте сноски делал, что, мол, фермер акт подписать отказался.

Пригласили Перчанкина в суд как самовольного порубщика леса. Один суд так и не рассудил, может ли хозяин хозяйствовать на собственной земле. А Морозов только посмеивался: «Ну, чего ты там возишься, Михаил Константинович, ну дадут тебе полгода условно, больше-то не дадут. А на поездки, на поиски правды ой как много потратишь!»

Но Михаил Константинович не склонен был уступать этому натиску. Он образованный человек, у него и инженерное и экономическое образование, и он взялся за изучение законодательных актов, относящихся к его делу.

Михаилу Константиновичу, видите ли, честь дороже покоя. Забросил все фермерские дела, мотался по городам и всям, высиживал в предбанниках начальственных кабинетов, чтобы собрать бумажки от тех, кто следил за соблюдением «лесных» законов, что в деле Перчанкина состава преступления нет.

Убытки фермера, отвлекшегося от своих дел и с головой ушедшего в дела судейские, превысили уже 60 миллионов, не говоря про моральный ущерб.

Защищался Михаил Перчанкин сам, убедившись, что адвокаты плохо знают законы, относящиеся к землевладению и землепользованию, потому что это совсем новые нормативы и к тому же слабо разработанные. Советовался не с адвокатами, а со своим товарищем-фермером, которому тоже пришлось заняться юридическим самообразованием, так как и на него наседали чиновники

И вот уголовное дело Перчанкина дошло до суда. Нарушения закона нет, стало быть, нужно применить было статью 5.2 об отсутствии состава преступления и статью 5.1 Уголовно-процессуального Кодекса об отсутствии предмета преступления — и закрыть уголовное дело. Но опять-таки не тут-то было.

Милиция, прокуратура, нарсуд — это одна семья. Вообще в истории Павловского городского суда Нижегородской области до сих пор еще не было дел, которые бы закончились отказным вариантом для милиции. Поэтому дело было отправлено на доследование, и постепенно о нем забыли.

Вроде бы успех, победа! Но Михаил Константинович Перчанкин на этом не успокоился:

Уголовное дело прекращено. Но возникло другое, уже по инициативе самого Перчанкина.

«У нас 13 фермерских хозяйств, не осталось ни одного действующего, той же администрацией и загублены. У меня возник материальный иск к обидчикам. Это межсовхоз и администрация города», — рассказывает М.К. Перчанкин.

Михаил Константинович подал иск в районный суд о неправомерности действий прокуратуры. Дело в том, что еще не существует в Нижегородской области прецедентов, когда районный суд рассматривал бы неправомерность действий районной прокуратуры. Дело дошло до Верховного суда. Судья Зайцев, изучив материалы, увидел нарушения норм судебного права и вынес решение.

Опять казалось бы победа. Но решение Верховного суда было — отменить решения прежних судов и вернуть дело на пересмотр в тот же районный суд, который никак не может решиться признать, что в деле Перчанкина закон был нарушен кем? — районным прокурором!

В районном суде города состоялось три судебных слушания, на которых эта проблема так и не была разрешена. Уже дважды решение районного суда отменялось решением кассационной инстанции области и возвращалось обратно на пересмотр. Суд сам себя загоняет в тупиковую ситуацию, потому что проблему решать придется все равно.

И речь идет не только о моральной победе Перчанкина, есть тут и трудная для суда и местного начальства материальная проблема. «Ведь убытки составили около полмиллиарда рублей. Нанесли мне чиновники вполне ощутимый ущерб, который я и прошу возместить. Вы вмешались — вы и несите ответственность! И прокурор, и судья, и милиция знает, что за этим стоит вполне обоснованная материальная сумма, которая подлежит возврату — откуда? Из бюджета! Кормушка всех чиновников — бюджет», — считает М.К. Перчанкин.

Так иск Михаила Перчанкина перерос практически в дело против всего местного начальства. На нравы этого начальства Михаил Константинович посмотрелся, пока шло его дело в суде. Вот каким ему предстал этот мирок города Павлова:

— Адвокатские структуры при советской власти всегда были как бы в загоне. Им надо было много знать, много читать, приспособливаться к закону. А прокуратура — это надзор. Они законов и не читают! Им это не обязательно! Прежде всего, для чиновника, скажем, в ранге прокурора, не закон, а его «права» в законе. Ниже прокурора, но как бы во власти тоже, — это милиция. Знаний у милиции намного меньше, чем у прокуратуры, а власти над человеком больше. Дальше его величество чиновник на месте — он вообще никаких прав и законов не признает. Власть у него намного больше, чем у прокурора, судьи, милиции, а знаний намного меньше. Затем идет судебная власть, которая полностью подчинена чиновнику, то есть главе администрации района, поскольку «кормушка», оплата, идет оттуда. Дальше власть милиции и прокурора, и на последнем месте власть адвоката, у которого, собственно говоря, власти и нет.

И все ступени этой иерархии — одна семья, как с самого начала заметил Михаил Константинович. И все они живут в своем замкнутом кругу, отдельно от остальных жителей города и района, совершенно от них не зависят и никак с ними не считаются.

«Нарушения прав человека происходят не тогда, когда человек обратился в суд, а когда человек обратился к чиновнику, его величеству чиновнику. Нет системы защиты от произвола районного чиновника, мы в этом убедились», — заключает М.К. Перчанкин.

Все эти выводы и побудили Михаила Перчанкина и его друзей фермеров противопоставить сплоченности местного начальства собственную сплоченность, объединиться для защиты своих прав. Они решили создать правозащитную организацию фермеров, для того чтобы отстаивать права на землю и не только на землю, а вообще на частную собственность. В организацию стали обращаться фермеры, которые не могли воспользоваться правом собственности на землю и правом пая. М.К. Перчанкин помогал им писать «грамотные» исковые заявления в суд, и поскольку суду оспаривать было нечего, ответчики пая выплачивали.

В процессе стало складываться объединение единомышленников, впоследствии получившее название «Региональная организация Нижегородской области, независимая приемная по самозащите прав граждан России». После долгих проволочек организация была юридически зарегистрирована 6 июля 1998 года. Организация объединяет четыре района Нижегородской области — Дзержинский, Богородский, Павловский, Сосновский и Вачский.

Вскоре приемная по самозащите расширила диапазон своей деятельности.

— Сначала у нас было узкое направление — мы хотели защищать права фермеров на землю и вообще их права. Но жизнь заставила расширить масштабы нашей деятельности. Стали обращаться родители погибших солдат и призывников, в связи с новым приказом президента об увольнении в запас отслуживших свой срок и призывном наборе. А проблема состоит в том, что нет денег на отправку демобилизованных солдат на родину. У нас есть прецедент, когда из Сахалинской области человек не мог вылететь, требовалось 4 тысячи рублей. Причем человек отслужил два года, закончил срочную службу не по контракту, а по призыву, и не мог вернуться домой. Правозащитники пустили шапку по кругу, чтобы выручить солдата. Но это, конечно, не выход, надо что-то делать, чтобы такие случаи не повторялись.

Соратники М.К. Перчанкина организовали «круглый стол», на который пригласили всех заинтересованных лиц в рамках закона о военнослужащих и в рамках гражданско-процессуального кодекса, то есть представителей администрации, депутатского корпуса, прокурора города, судью, представителей всех общественных организаций города. Ведь согласно закону, председателем призывной комиссии является глава администрации города, района. Именно от него зависит, куда и каким образом будет призван новобранец. Все общественные организации пришли, за исключением ЛДПР. Были представители демократической партии, КПРФ, Союза потребителей, Комитета солдатских матерей и Союза женщин России. А от властных структур пришел только начальник юридического отдела администрации Шеин А.В., который заявил от имени администрации, что такой организации как Общественная приемная по самозащите прав граждан России нет, и, что никто из органов власти больше не придет. Михаил Константинович и все собравшиеся попытались переубедить представителя администрации, но он все-таки демонстративно ушел. Остался только представитель военкомата, начальник второй части, ведающей призывом и увольнением, который очень переживает за сложившуюся ситуацию.

Таким образом, «круглый стол» прошел практически без представителей власти.

— На «круглом столе» состоялся конкретный разговор. Ввиду того, что власть как таковая на заседании отсутствовала, на второй день уведомили администрацию о принятых решениях как протоколно, так и письменно за подписью председателя. Мы не только просто разговором обошлись, но и подсчитали, что на увольнение наших парней нужна денежная сумма 30 млн. рублей. Эту денежную сумму нашли внутри района без сбора дополнительных средств и предложили администрации пойти по такому пути. У нас есть платный понтонный мост, по которому половина движущегося транспорта идет по льготам. Решили — оставить льготы только для инвалидов, для афганцев. Также предложили, ввиду того, что земское собрание в этом году нарушило свой устав, перестать его финансировать. И еще предложили просто посмотреть, что творится на нашем рынке и не освобождать рынок от всех налогов. Там «варятся» большие деньги.

И еще одно предложение обсуждалось на «круглом столе». Чтобы в будущем не возникало проблем с возвращением солдат из армии домой, предложили такую меру. На следующий год всем военнослужащим, отправляющимся на службу, заключать с местными властями, конкретно с председателем призывной комиссии, догово-

ворные отношения в рамках закона. Ввиду того, что председателем комиссии является или глава или заместитель главы администрации, он должен подписать договор о том, что в случае болезни военнослужащего, находящегося на срочной службе, или отслужившего два года, тот будет отправлен домой за счет средств района — внебюджетных или бюджетных средств.

Пока администрация молчит и никак на предложения участников «круглого стола» не реагирует. Но Михаила Константиновича это не смущает: «Еще рано подводить итоги. Мы подведем итог по отправке и при возвращении солдат. Хорошо, что есть связь с начальником второй части военкомата, он беспокоится о нашем деле. А вот председателем призывной комиссии является администратор, здесь никакого контакта нет!»

Конечно, трудно работать общественной организацией, если власти не только не готовы к диалогу для решения проблем, волнующих людей в их районе, но и препятствуют работе правозащитников, как только могут. Но нег худа без добра, считает Михаил Перчанкин. В

заметке о том, как возникла в Павлово правозащитная организация, он пишет: «Мой коллега-фермер имел тяжбу с судом в течение пятилетки. Его опыт я взял на вооружение. Пригласил его в качестве общественного защитника в суд — развалить уголовное дело против меня по методу самозащиты. Получилось! Судья Павловского городского суда не оставалось ничего другого как отправить это дело на доследование. Если бы судья осмелилась бы как следует по закону, довести дело до конца и вынести оправдательный приговор, если бы судья была самостоятельной, то не была бы создана организация, так как тогда я, вероятнее всего, поверил бы в силу закона и в силу суда. А так мы, объединив несколько коллег, создали организацию, и нам уже удалось несколько раз защитить фермеров от незаконных действий администрации, — по трем составленным мной документам были выиграны судебные иски. И тоже получилось!»

Соб. корр.,

по материалам передачи на радио «Свобода»

Югославия: режим Милошевича против свободы университетов

В конце 1998 года в Москве и Санкт-Петербурге побывала делегация профессоров Белградского университета. Они посетили Россию по приглашению Российского гуманитарного университета и Московской Хельсинкской группы.

Ни Российские власти, ни югославские к этому визиту отношения не имели и не приветствовали его — сербских профессоров принимала российская интеллигенция и правозащитники. Дело в том, что российские власти поддерживают режим Слободана Милошевича. Отношение России ко всему, что происходит в Югославии, имеет большое значение и для тамошних властей, и для граждан — связи России с Сербией исчисляются веками и позиция России по любому вопросу для сербов важна не только в прагматическом политическом плане, но и в моральном и идейном.

Милошевич и его окружение широко рекламируют поддержку своего режима официальной Россией и российскими националистами. Между тем, сербская демократическая интеллигенция от Милошевича и его режима не в восторге — это отнюдь не демократический режим. Он стремится подчинить себе интеллигенцию, в частности научные и академические круги, обычными средствами, какими располагает авторитарная власть — ущемлением прав и свобод граждан, подавлением демократических институтов. Этим объясняется наступление на оплот демократии — Белградский университет.

Борьба за университетскую автономию велась, начиная с середины 60-х годов, и была очень упорной. В результате университет добился права на самоуправление. Ректора университета избирало общее собрание сотрудников университета, а приглашение на работу преподавателей осуществлялось их коллегиальным органом. Заслуженные профессора получали пожизненное право на свои должности.

5 июня 1998 правительство Милошевича обнародовало закон об университетах, фактически уничтожающий их автономию. По новому закону ректора и даже деканов назначает правительство. Кроме того, власти сами себе дали право ликвидировать любое подразделение университета и создавать новые. А преподавателей новый закон обязывает подписывать контракты, в том числе профессоров, обладающих пожизненным правом преподавания

в университете. Публикация этого закона вызвала сопротивление большей части преподавателей и студентов.

Делегация, посетившая Россию, имела целью познакомиться с российской демократической общественностью с этими событиями в Сербии — наступлением режима Милошевича на университетские свободы и сопротивление этому наступлению.

Об всем этом рассказал российский ученый, специалист по Югославии Сергей Адамович Романенко:

Новый закон об университетах предоставляет ректорам и деканам факультетов широкие возможности просто для сведения счетов с неугодными им людьми, с теми, кто еще сохранил чувство собственного достоинства. Наши гости не только сами продолжают борьбу за право вести свою профессиональную деятельность, но и представляют тех людей, которые борются вместе с ними.

Дело в том, что этот закон об университетах далеко не изолированное явление. Осенью Скупщина Сербии приняла новый «драконовский» закон о средствах массовой информации, который практически лишает население Сербии права на любую информацию, в которой содержится пусть самая незначительная критика нынешних властей. Это свидетельствует о широком наступлении на остатки демократических прав, которыми пользовалось население Сербии в последние годы.

Сергей Романенко считает, что это должно волновать не только сербов, но и россиян.

— Это большая ошибка, если не трагедия как российских, так и сербских демократических и либеральных кругов и правозащитных кругов, что между ними не сложилось тесного сотрудничества и взаимодействия. Все это привело к тому, что правящие и влиятельные силы в обеих странах стали использовать идею русско-сербской дружбы, основанную на известной близости языков и культур, в своих собственных интересах, использовать эту идею для обоснования социального, политического и иного реванша.

Один из посетивших Москву и Санкт-Петербург сербских профессоров, Жарко Требешанин, описывает эти события в Белградском университете в своем очерке. Профессор Требешанин указывает, что этот дискриминационный закон был прямым следствием подавления политической оппозиции в Сербии. Университет оказал

ся в изоляции, но все-таки сопротивлялся принятию этого закона — более тысячи преподавателей и сотрудников Белградского университета подписали заявление с требованием отменить этот закон, студенты и преподаватели проводили митинги протеста. Около 150 преподавателей отказались подписывать новые контракты. Многие после этого лишились работы.

Об этом рассказал один из членов делегации в России профессор электротехнического факультета Бранко Попович.

Закон об университетах, вступивший в силу несколько месяцев назад, носит репрессивный характер. Представьте себе, что вы работаете на фабрике или заводе и подписали с администрацией предприятия трудовой договор, гарантирующий вам право работать там до конца жизни, и этот договор не может быть расторгнут. И вдруг выходит новый закон, — я имею в виду новый Закон об университетах, — в котором говорится, что с завтрашнего дня вы должны подписать новый договор.

В новом законе речь идет о науке, а наука не терпит никакой диктатуры. Науке нужна свобода мысли, да и любая деятельность требует свободы мысли. Новый закон предусматривает и множество других странных вещей.

Принятие нового закона об университетах резко изменило положение профессора Поповича в университете, с которым связана вся его жизнь.

— Я профессор электротехнического факультета Белградского университета. Работаю там уже тридцать девять лет. Система ученых званий в Сербии отличается от существующей в России. Если у вас есть звание, которое у нас называется «ординарный профессор», то вам не нужно больше заключать с администрацией трудового договора, чтобы работать дальше. Я получил это звание двадцать лет назад. По новому закону декан факультета и ректор университета обладают теми же правами и полномочиями, что и директор промышленного предприятия. Но факультет, университет — это не завод и не фабрика. Тем не менее, декану предоставлены такие же права как мастеру цеха. Декан меня вызвал и сказал: «Если не подпишешь новый договор, я тебя выгоню». Естественно, ни один порядочный человек не может подчиниться такому грубому давлению.

После отказа подписать новый контракт декан принял решение уволить профессора Поповича и его коллег, поступивших так же как он.

— На следующий день я читал лекции. Первая лекция прошла, как обычно. После перерыва я пошел обратно в аудиторию, но дорогу мне преградили два дюжих молодца, которые сказали, что мне запрещено входить в аудиторию. В результате я был вынужден продолжить лекцию на улице. Я писал формулы на доске, которую студенты вынесли для меня из аудитории. Вероятно, впервые в истории университета профессор читал лекцию под шум автобусов и трамваев.

После такого демарша и очевидной поддержки профессора Поповича со стороны студентов декан не решился на увольнение профессора, но старается сделать пребывание в университете его и его коллег, отказывающихся подчиниться новому закону, унижительным для них.

— Декан запретил нам входить в здание факультета. У дверей встали стражи, которые впускают всех, кроме нас. Дежурный сказал, что должен спросить начальство, могу ли я войти. Чтобы еще больше нас унижить, декан создал для нас в рамках факультета новую лабораторию. Если действовать строго по закону, то нужно много месяцев, чтобы собрать все необходимые для этого документы. Кроме того, статус новой лаборатории должен определять статус факультета, а статус

факультета по новому закону утверждает правительство и парламент Сербии. Но для декана это не стало препятствием. Он просто сказал нам, что создана новая лаборатория, в которой мы должны работать. Этой лабораторией отвели крошечную комнатку, где не было даже отопления. Все мы — нас двенадцать человек должны были в ней ежедневно сидеть с семи утра до трех дня и заниматься наукой под контролем начальства.

Но несмотря на унижения, мы до сих пор являемся профессорами, работающими на факультете. Мы не знаем, что нас ждет в будущем. Может быть, будет лучше, может быть и хуже. Этот закон унижил нас, унижил всех свободомыслящих людей. И мы приехали рассказать русским братьям о том, что у нас происходит. Мы счастливы, что смогли приехать. Я убежден, что вы поймете нас и скажете нам: «Держитесь, русские на вашей стороне!».

Профессор Жарко Требешанин в своем очерке подводит итог введения нового закона в Белградском университете.

— Около ста пятидесяти преподавателей и сотрудников отказались подписать введенный Законом 1998 года контракт, который фактически представляет собой свидетельство лояльности режиму. Ситуация сложившаяся в Белградском университете после принятия закона, совершенно ненормальна и не соответствует его репутации. Ход событий показал, насколько правы были те, кто предупреждал о губительных последствиях закона.

Назначенные властями деканы действуют каждый на своем факультете, сообразуясь со своим характером и с обстановкой на факультете. Профессор Александр Лома, коллега профессора Поповича с философского факультета рассказывает об обстановке на этом факультете.

— На философском факультете в Белграде есть около 90 человек в июне, отказавшихся подписывать новые договоры, и до сих пор нас осталось 74. Приблизительно третья часть преподавателей и исследователей. Такое деление коллектива на подписавших и не подписавших все-таки не привело к раздору внутри него. Значительная часть подписавших солидаризировалась с не подписавшими. Наш новый декан, хотя и не выбранный коллективом, а назначенный министром не преследовал не подписавших. Попытка выгнать со службы или отстранить от преподавания такое число преподавателей столкнулось бы с энергичным сопротивлением значительной части и подписавших коллег, а по всей вероятности и самого декана, и вызвала бы, несомненно, бунт наших студентов. Власть, очевидно, это хорошо понимает и еще не готова рисковать в нашем случае: таким способом расширился бы фронт активного отпора, охватывающий теперь, кроме электротехнического факультета филологический и юридический факультеты.

Разница в обстановке на электротехническом факультете, которую описал профессор Попович, и на философском факультете, где работает профессор Лома, побуждает оценивать обстановку на каждом факультете в связи с личными качествами декана, назначенных туда, согласно новому закону, правительством.

— Самыми проблематичными оказались деканы электротехнического и филологического факультетов, — продолжает Александр Лома. — Этот последний не только поспешил расправиться со всеми коллегами, виноватыми перед режимом и ему самому по разным причинам антипатичными, а и провести в жизнь свои оригинальные идеи о переустройстве факультета. Им упразднена кафедра общей литературы, имеющую высокую репутацию и долгую традицию. Ее преподаватели, составляющие большинство не подписавших на этом факультете, почти все уволены с работы или скоро будут

уволены. Сейчас они попытаются организовать свои курсы в рамках альтернативной академической сети. Их студенты возглавили протест против декана Наревича, начавшийся ежедневным часовым бойкотом преподавания, а кульминационный — полным прекращением работы.

А вот какая обстановка на юридическом факультете:

— На юридическом факультете новоназначенный декан Анкич начал преследовать тех 16 преподавателей, которые заявили, что не подпишут пресловутый контракт. Пять из них под различными предлогами выгнаны со службы, остальные отстранены от преподавания, преследованиям подвергаются и протестующие студенты.

Стойкое сопротивление значительной части профессоров Белградского университета, сочувствие им их коллег и поддержка студентов — все это делает проблематичным вступление нового закона в полную силу. Вот что произошло недавно на филологическом факультете.

— 11 декабря собралось так называемое правление факультета, состоящее исключительно из назначенных или близких «власти» членов, и отменило все изменения, внесенные Наревичем в статус факультета. После этого вече факультета выступило с требованием возратить всех преподавателей, уволенных новым деканом с работы или преждевременно отправленных на пенсию, а также отменить его другие кадровые мероприятия, так как он на освободившиеся места привел ряд послушных протеже.

Какие-то признаки отступления властей заметны и на других факультетах.

— Были попытки на некоторых факультетах пойти на компромисс, состоящий в написании бунтующими профессорами какой-то декларации, вроде бы изобретенной деканом юридического факультета. И декан моего философского факультета мечтал о подобном компромиссе, но споткнулся о бескомпромиссную позицию своих протестантов, решивших не подписывать ничего, что могло бы быть понято как подчинение новому закону.

Тем не менее, успокаиваться рано.

— Мы не ожидаем, что правительство прибегнет к крайним мерам и снимет нашего декана или принудит его подать в отставку, — продолжает Александр Лома. — Мы боимся, что власть начнет использовать другую тактику, и предпримет попытку разобщить факультет, посредством присоединения пяти из девяти его отделов к разным другим факультетам. Таким способом философский факультет прекратил бы свое столетнее существование. Следовательно, новый закон угрожает не только отдельным преподавателям, но и самому устройству университета и его факультетов.

Поэтому преподаватели и студенты не намерены прекращать борьбу против нового закона об университетах. Очень важная форма этой борьбы — создание альтернативной сети обучения. Профессор Лома описывает эту интересную инициативу.

— При Белградской открытой школе приступили к организации так называемой альтернативной академической образовательной сети. Вначале она будет охватывать междисциплинарные курсы, дополняющие те специальности, которые уже существуют в Белграде и Сербии. В случае ликвидации некоторых из существующих специальностей в государственном университете, как это случается с общей литературой на филологическом факультете, рассчитывается включить такие специальности в сеть, чтобы сохранить преподавательские кадры, пока не нормализуется ситуация. Возможно, что

дипломы по нашим курсам студенты будут получать в Черногории.

Профессор Лома подчеркивает не политическую, а нравственную основу сопротивления новому закону в Белградском университете.

— Только небольшая часть профессоров, восставших против нового закона в университете и испытывающих его давление, является членами политических партий. Более того, надо подчеркнуть, что в этом числе представлены самые различные политические направления, от гражданского до национал-монархического. То, что присуще им всем, как и каждому из большинства их политически пассивных коллег, — преданность идеалам демократии и достоинства академической профессии.

Но власти руководствуются в своей борьбе против университетских свобод как раз политическими соображениями. Об этом пишет Жарко Трешешанин.

Неслучайно, что репрессии начались месяц — два спустя после утвержденного законом срока подписания контракта. Этот срок истек 5 августа 1998 года. Только когда сербский режим под угрозой бомбардировок был вынужден пойти на большие уступки по проблеме Косово и только когда новый Закон об информации подавил самые непокорные средства массовой информации, только тогда, в информационном вакууме, режим начал наступление на университеты, на их профессоров и преподавателей.

Придирки и преследования взбунтовавшихся профессоров и преподавателей выполняют двойную политическую задачу. Прежде всего, как сказал министр просвещения Сербии, они преследовали цель примерно наказать за политическую непокорность и отомстить знаменосцам движения протеста 1996 — 1997 годов. Цель репрессий, обрушившихся на Белградский университет, состоит в том, что режим, упавший на колени под давлением извне, и приведший страну на край гибели, предстал бы в глазах сербской общественности сильным и решительным.

Визит в Москву профессоров Белградского университета, протестующих против подавления университетской демократии, за моральной поддержкой российской демократической общественности, имеет и политическое значение. Об этом говорит Александр Лома:

— Мы высоко ценим дружеское и братское сочувствие русского народа тяжелым обстоятельствам, в которых находится Сербия, но и предостерегаем своих русских друзей от отождествления народа с режимом и патриотизма с популизмом и дешевой демагогией, которыми у нас пользуются те, которые не так давно в качестве ортодоксальных коммунистов преследовали кроме демократов и истинных националистов и христиан. Разве возможно считать патриотической и вообще разумной ту власть, которая уничтожает самый важный институт научного и культурного развития своего народа?

Об этом же рассказал российский коллега белградских профессоров Сергей Романенко:

— Широкий сердечный прием, оказанный нашим коллегам, не только чисто профессиональное, но и символическое значение. Тем самым демократическая свободомыслящая Россия показывает, что она готова к сотрудничеству, что она готова оказать помощь сербской интеллигенции, сербской демократии, сербскому народу найти выход из того тяжелейшего положения, в котором они оказались благодаря авантюристической политике Слободана Милошевича и его приближенных.

Политзаключенные в Туркменистане

В декабре 1998 г. внимание российских и международных правозащитных организаций было вновь привлечено к делу двух туркменских политзаключенных — Хошалы Гараева и Мухаммедкули Аймурадова.

36-летний Гараев (гражданин России, бывший сотрудник московской милиции) и 52-летний Аймурадов (гражданин Туркменистана, бизнесмен, с 1992 г. проживавший в Москве), известные своими связями с политическими противниками режима Ниязова, в октябре 1994 г. были похищены туркменскими спецслужбами в Ташкенте и вывезены в Ашхабад. В июне 1995 г. они были осуждены Верховным Судом Туркменистана по обвинению в антигосударственной деятельности, подготовке террористического акта в отношении высших должностных лиц Туркменистана и совершении других преступлений, соответственно, на 12 и 15 лет лишения свободы. Следствие и судебное разбирательство носили закрытый характер. Правозащитные организации неоднократно заявляли, что считают обвинения в отношении обоих осужденных сфабрированными по политическим мотивам.

В октябре 1998 г. в отношении Гараева и Аймурадова туркменскими спецслужбами было сфабриковано новое уголовное дело. Согласно официальной версии, они обвинялись в заговоре с целью захвата власти, разжигании межнациональной розни, дезорганизации работы Красноводской тюрьмы, попытке побега в ночь с 10 на 11 октября вместе с восемью другими заключенными и нападении на сотрудника тюремной охраны.

Обвинительное заключение, пересланное в Москву родственниками обвиняемых, по содержанию напоминает детективный роман. В деле фигурировали показания заключенных о том, что на 17 октября 1998 г. в Ашхабаде был намечен государственный переворот, участников побега возле тюрьмы ждут вертолеты с оружием, все они получают посты в новом правительстве и т.д. Местные юристы заявляли, что с учетом якобы ранее совершенных Гараевым и Аймурадовым «антигосударственных преступлений» им будет вынесен смертный приговор. Позднее, после того, как дело получило международную огласку, туркменские власти вынуждены были признать несостоятельность политических статей обвинения.

Более внимательное знакомство с делом показывает, что в действительности, вероятно, имела место инсценировка побега, организованная туркменскими спецслужбами. В этой связи обращает на себя внимание то, что один из ключевых свидетелей повесился в ходе следствия, а сотрудник тюрьмы, «помогавший» заключенным, просил Гараева имитировать взятие его в заложники. Тот же сотрудник сообщил Гараеву, что в Москве якобы умер его сын (эта информация не соответствовала действительности). Что касается Аймурадова, то, согласно его показаниям, в ночь с 10 на 11 октября в камеру, где он находился, вошли двое заключенных и, назвав его по имени, вывели в коридор и заперли за ним дверь. Поняв, что происходит что-то непонятное, Аймурадов спрятался за дверью этажа, где спустя некоторое время и был обнаружен сотрудниками охраны.

Дело по первой инстанции рассматривала коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана. Судебные заседания проходили в здании Красноводской тюрьмы 7 — 10 декабря 1998 г. Первоначально уголовное дело, якобы затрагивающее интересы национальной

безопасности Туркменистана, носило закрытый характер. Однако под давлением Госдепартамента США и международных правозащитных организаций туркменские власти объявили о том, что судебные слушания будут открытыми. На процесс была допущена жена одного из обвиняемых и сотрудник американского посольства (плохо знающий русский язык). Власти, однако, не допустили в зал заседаний члена Совета соотечественников при Государственной Думе РФ Вячеслава Мамедова.

Приговор был вынесен 10 декабря 1998 г. — в день 50-летия принятия ООН Всеобщей декларации прав человека. Подсудимые были признаны виновными и осуждены на 18 лет лишения свободы (в том числе 5 лет на тюремном режиме).

11 декабря 1998 г. в знак протеста против несправедливого приговора российские правозащитные организации провели пикетирование посольства Туркменистана в РФ. В пикете участвовали представители Правозащитного центра «Мемориал», Московской Хельсинкской группы, Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии и др. Участники пикета скандировали требования об освобождении Гараева, Аймурадова и других политических заключенных в Туркменистане и публично сожгли портрет Туркменбаши. Сообщение об этом, переданное туркменской службой Радио «Свобода», вызвало заметный резонанс внутри Туркменистана.

Пресс-секретарь посольства Туркменистана в РФ Григорий Колодин, выполняя инструкции, полученные из Ашхабада, на протяжении нескольких недель оказывал беспрецедентное давление на редакции отдельных российских СМИ с целью не допустить публикации неприятных для туркменских властей материалов о деле Гараева и Аймурадова. Другой туркменский дипломат — Сердар Аннаев, предположительно являющийся резидентом КНБ в Москве, пытался добиться от Правозащитного центра «Мемориал» отмены назначенного на 11 декабря пикета.

В связи с делом Гараева и Аймурадова российские правозащитные организации планируют проведение во второй половине января 1999 г. нового пикета — на этот раз перед зданием МИД РФ. По мнению правозащитников, именно пассивная позиция этого ведомства привела к тому, что российский гражданин Гараев, похищенный в 1994 г., до сих пор не передан российским властям. Показательно, что посольство РФ в Ашхабаде демонстративно отказалось направить своего представителя для участия в судебном процессе в Красноводске, ссылаясь на уголовный характер обвинений и отсутствие финансовых средств (хотя билет до Красноводска стоит всего 5 долларов). Ситуацию, при которой американские дипломаты проявляют больший интерес к защите прав российского гражданина, чем МИД РФ, правозащитники характеризуют как «абсурдную».

Председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева заявила, что ее организация будет добиваться, чтобы в ближайшее время руководство МИД РФ пересмотрело свою позицию по этому вопросу.

*Виталий Пономарев, исполнительный директор
«Общества содействия соблюдению прав человека в
Центральной Азии»*

Общественные организации подают заявление в Генпрокуратуру

на военных и ФСБ Тихоокеанского флота

18 января 1999 года в Доме журналиста в Москве прошла пресс-конференция в защиту Григория Пасько.

Г. Пасько, офицер Российского Тихоокеанского флота, работал корреспондентом флотской газеты «Боевая вахта» и внештатным сотрудником японских средств массовой информации, таких, как, например, телевизионная станция NHK. Г. Пасько неоднократно посещал Японию для изучения различных вопросов. 13 ноября 1997 года Г. Пасько собирался лететь в Японию и вез с собой некоторые материалы о российском Дальнем Востоке, собранные им для японского коллеги-журналиста. Работники таможни во Владивостокском аэропорту конфисковали у Пасько эти документы. 20 ноября 1997 года по возвращении из Японии Г. Пасько был задержан сотрудниками ФСБ. В тот же вечер в его квартире был произведен обыск, в результате которого были конфискованы все записи, видеокассеты, книги, компьютеры, факсимильный аппарат и другие вещи.

Несколько дней спустя ФСБ предъявила Г. Пасько обвинение в шпионаже по статье 275 Уголовного кодекса, состоящее, по всей видимости, из двух частей: попытка вывезти из России несколько секретных документов, которые Пасько намеревался передать своему японскому коллеге и хранение в квартире документов, составляющих государственную тайну, с возможным намерением передать их иностранным организациям и частным лицам. Среди конфискованных материалов был документ о северокорейских рабочих, занятых в сельскохозяйственной промышленности Приморского края, переданный Г. Пасько местным управлением сельского хозяйства; документы о готовности фабрик в Комсомольске-на-Амуре к переработке радиоактивных материалов, переданные Г. Пасько Комитетом профсоюзов работников судостроения, а также документ о реформах в армии и на флоте. Кроме этого, несколько вырезок из газеты «Боевая вахта».

После ареста Г. Пасько ФСБ направила конфискованные документы в Восьмое отделение Генерального штаба Министерства обороны на экспертизу на предмет содержания в них государственных тайн. По словам адвокатов Г. Пасько, эксперты Восьмого отделения дали заключение, что все конфискованные во Владивостокском аэропорту документы по отдельности не являются секретными, но взятые в совокупности составляют государственную тайну.

В качестве доказательства вины Г. Пасько в предполагаемом шпионаже, ФСБ представляет совершенно законные действия Пасько как журналиста. По заявлению ФСБ для прессы тот факт, что господин Пасько собирал информацию и получал за это деньги от иностранных организаций, уже доказывает, что он шпион. Однако частью работы Пасько как журналиста является сбор информации и передача ее другим лицам. Российский закон о средствах массовой информации ясно указывает в статье 47, что «журналист имеет право: искать, запрашивать, получать и распространять информацию...» Само собой разумеется, что профессиональный журналист получает за свою работу денежное вознаграждение. Кроме того, Пасько утверждает, что он всегда получал информацию, которую использовал в своей работе, по

официальным каналам и запрашивал на это разрешение у своей газеты. Это заявление подтверждают несколько письменных разрешений от руководства газеты «Боевая вахта», приобретенные защитой к материалам дела.

Хотя остаются неизвестными истинные мотивы ФСБ в преследовании Пасько, есть основания полагать, что дело против Пасько связано с его публикациями на экологические темы, в особенности об опасности ядерных установок и отходов. В 1993 году Пасько снял документальный фильм о том, как правительство России сбрасывает ядерные отходы в Японское море. В тот же год этот фильм был показан японской телевизионной станцией NHK, вызвав шок у японской публики. После показа фильма Пасько несколько раз вызывали на допрос в ФСБ. По словам его жены, Пасько в целом за последние несколько лет написал около тридцати статей о ядерных установках и экологии и из-за этих публикаций неоднократно подвергался преследованиям со стороны ФСБ.

18 января 1999 года правозащитная организация «Международная Амнистия» признала Григория Пасько узником совести. Анализируя российский закон о государственных тайнах, принятый в 1993 году, «Международная амнистия» обратила внимание на статью 7, в которой говорится о том, что информация, касающаяся условий окружающей среды, аварий или катастроф, представляющих опасность для жизни и здоровья человека, не могут быть признаны государственной тайной. Однако за неделю до своего ареста Григорий Пасько опубликовал статью, в которой он подверг критике одно из положений вышеназванного закона, которое признает государственной тайной все, что касается ядерных установок военного значения. «Международная амнистия» считает, что столь «широкие» формулировки статей закона дают возможность чиновникам использовать закон в своих интересах.

Общественный комитет защиты Г. Пасько, ПЕН-Центр России и Фонд защиты гласности направили заявление Генеральному прокурору с требованием о возбуждении уголовного дела по факту незаконной утилизации военных отходов, угрожающей экологии Тихоокеанского региона. Общественные организации полагают, что виновниками указанных действий являются командование Тихоокеанского флота (ТОФ) и управление ФСБ по Тихоокеанскому флоту. Также очевидно, что ФСБ по ТОФ использует «дело Пасько» для сокрытия преступлений военного руководства против окружающей среды. В пресс-конференции в Москве 18 января приняли участие Алексей Симонов, Фонд защиты гласности, Наум Ним, Общественный комитет в защиту Григория Пасько, Александр Ткаченко, Российский ПЕН-Центр, Карен Нерсисян, адвокат Г. Пасько, Алексей Яблоков и Александр Монин, ученые-экологи.

21 января 1999 года во Владивостоке началось закрытое судебное разбирательство по делу Пасько. Если суд признает Григория Пасько виновным в государственном шпионаже, ему грозит наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет.

Соб. корр.

«Демократия по-белорусски»

Сельское хозяйство является приоритетным направлением в экономике Республики Беларусь. Каждый год в период посевной кампании для поднятия сельскохозяйственного производства выделяются многомиллионные кредиты. В то же время трудящиеся в этой сфере поставлены в тяжёлые условия. Заработная плата в сельском хозяйстве существенно ниже прожиточного минимума, но даже её выплата задерживается на несколько месяцев. Разница между закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию и ценами на продовольственные товары, товары промышленной переработки, орудия сельскохозяйственного производства ставит сельскохозяйственные предприятия всех форм собственности на грань полного разорения.

Весной 1998 года сельскохозяйственным предприятиям всех форм собственности были выделены кредиты на покрытие затрат на посевную кампанию. Колхозы и фермеры обязаны были вернуть кредиты после уборки урожая, сдав его государству по установленным в белорусских рублях ценам, имеющим долларовой эквивалент. 23 июля 1998 года расчёт был установлен по фиксированным ценам в белорусских рублях без учёта инфляции. Колхозы и фермеры вынуждены сдавать государству урожай по цене, сниженной на 30-40%. Так, вместо предполагаемых 126 долларов за тонну фуражного овса или ржи государство платит сегодня около 78 долларов по курсу Национального банка. Это приводит к разорению фермерских хозяйств, у ряда сельскохозяйственных предприятий нет возможности не только получить прибыль, но и оплатить людям их труд.

Государство в очередной раз пытается решить экономические проблемы за счёт беднейших слоёв населения, нарушая своими действиями ст.23 п. 3 Всеобщей декларации прав человека и ст. 11 Пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Белорусский Хельсинкский комитет высказывает решительный протест против разорения сельскохозяйственных производителей.

Заявление Белорусского Хельсинкского комитета

Злоупотребления белорусской милиции

В сентябре в Петриковское отделение БХК поступило заявление Виктора Юрковского, жителя д. Бобренья Мозырского района. 2 ноября 1997 года в 21.30 сотрудники ГАИ преследовали автомобиль Юрковского и приказали ему остановиться. Так как они были в штатском и не предъявляли документов, не назвали себя, Юрковский принял их за грабителей. В автомобиле Юрковского находились его малолетний сын и сосед Юрковского А. Жгун с ребёнком. Юрковский, опасаясь нападения, отвёз пассажиров в сад и приказал им убежать. Затем он подвергся нападению сотрудников милиции Крупского и Пивоварова, которые жестоко избили его и, применив огнестрельное оружие, прострелили руку. После этого Юрковский потерял сознание и очнулся в милицейском УАЗе. Почувствовав себя плохо, Юрковский попросил отвезти его в больницу, но ответа не получил. Зато услышал, как сотрудники милиции по телефону просят своих коллег в милицейском участке принять его "с хорошей обработкой". Поняв, что его снова будут бить, несмотря на огнестрельную рану и тяжёлое состояние, Юрковский выскочил из кузова автомобиля через небрежно закрытую дверь и увидел, что находится в городе Мозыре. Дойти из Мозыря домой Юрковский не смог, добрался до детского сада, где работала его жена, и потерял сознание. Ночью жена отвезла его в травматологическое отделение больницы, где Юрковский был госпитализирован. 4 ноября в больницу к Лобанову пришёл оперуполномоченный следователь Дуброва и участковый Лобанов. Лобанов убеждал Юрковского не давать показаний против работников

милиции и угрожал ему. Того же 11 ноября сотрудник милиции Крупский и человек в штатском пытались увести Юрковского из больницы якобы в прокуратуру. Помешала им жена Юрковского, пожаловавшаяся главврачу. В этот день заместитель начальника Мозырского РОВД Римша также находился в больнице. В. Юрковский обратился к нему с просьбой дать направление на судебно-медицинскую экспертизу, но получил отказ. На лечении Юрковский находился с 3.11.1997 до 23.01.1997, то есть 79 дней. 27 ноября Юрковский обратился в межрайонную прокуратуру к прокурору Судасу. Судас в устной беседе посоветовал Юрковскому не связываться с милицией. 14 ноября 1997 года на Юрковского заведено уголовное дело, которое поручено вести следователю Лемешевскому. Пивоваров утверждал, что стрелял в автомобиль Юрковского, но экспертиза не обнаружила в машине повреждений. 3 февраля Крупский предложил Юрковскому компенсировать убытки и вернуть права на управление автомобилем, если тот согласится замять дело. Пивоваров и Крупский вместе со следователем Лемешевским пытались фальсифицировать следственный эксперимент. 4 февраля 1998 года Юрковский получил уведомление о том, что уголовное дело против сотрудников милиции прекращено. 16 апреля 1998 года В. Юрковский получил сообщение о возбуждении уголовного дела против него самого по обвинению в нападении на работников милиции. Пивоваров показал, что Юрковский напал на него и пытался завладеть табельным оружием, будучи в нетрезвом состоянии. Юрковский предоставил в БХК заключение химико-токсикологической экспертизы за №1200, которое свидетельствует, что во время описываемых событий Юрковский был трезв. В результате Юрковский был осуждён Мозырским районным судом по ст. 187 ч. 2 УК за сопротивление работникам милиции. 3 июня 1998 года он обратился с кассационной жалобой в Гомельский областной суд, но ответа так и не получил.

14 сентября в Пинское отделение БХК поступила информация о возбуждении уголовного дела против активного деятеля оппозиции, члена БНФ, жителя Ганцевичского района Брестской области Николая Занько. Он обвиняется в оскорблении должностного лица при соблюдении служебных обязанностей (сотрудника милиции) и нарушении общественного порядка на улице во время проведения Н. Занько одиночных пикетов в защиту своих прав. Пинское отделение БХК, которое возглавляет депутат Пинского городского совета Виктор Ярошук, утверждает, что на самом деле местные власти преследуют Николая Занько за политические взгляды. 27 ноября — 8 декабря 1997 года Занько проводил на центральной площади голодовку в знак протеста против закрытия газеты «Свабода» и незаконного ареста и содержания под стражей политзаключённых Алексея Шидловского, Вадима Лабковича, Вадима Кабанчука. Во время голодовки Занько был незаконно задержан сотрудниками Ганцевичского РОВД и по постановлению судьи Ганцевичского районного суда А. Космач осуждён на 10 суток административного ареста за нарушение Декрета №5 президента Беларуси «О собраниях, митингах, уличных шествиях, демонстрациях и пикетировании в Республике Беларусь». В заключении Н. Занько продолжал голодовку.

По сообщению Белорусского Хельсинкского комитета

Государство пополняет бюджет за счёт предпринимателей

С 18 сентября 1998 г. до особого распоряжения президента Беларуси А. Лукашенко Министерством юстиции республики была приостановлена регистрация субъектов хозяйствования, предпринимателей без образования юридического лица и общественных объединений.

Согласно телеграмме президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 27 октября 1998 г., будет проведена очередная перерегистрация субъектов хозяйствования, в том числе предпринимателей, которые осуществляют свою деятельность без образования юридического лица, занимающихся производством продукции.

Предыдущая перерегистрация, проходившая в начале 1997 года, привела к значительному спаду деловой активности предпринимателей и закрытию более 124 тыс. субъектов хозяйствования как не прошедших перереги-

страцию. В том числе была приостановлена деятельность 37 тысяч юридических лиц и 87 тысяч предпринимателей без образования юридического лица.

Следует добавить, что перерегистрация требует немалых финансовых затрат.

Государство в очередной раз решило пополнить свой бюджет за счет предпринимателей.

*Информация получена от правозащитного центра
«Вясна-96»*

11 января 1999 года не стало Эммануила Менделевича. Он работал в орловском филиале «Мемориала», был постоянным автором публикаций «Экспресс хроники».

В редакцию «Хроники Московской Хельсинкской группы» пришло письмо от членов Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека М. Жерздева, Т. Барановой, Л. Коваленка, А. Морозова, Т. Омельяненко, А. Пудовой, Е. Шепелевой с выражением соболезнований. «Есть люди, — пишут они, — которых люто ненавидят коммунисты и фашисты всех мастей. Но их имена очень долго живут в памяти благодарного человечества. Таким был Эммануил Менделевич — человек светлого и доброго таланта, негибимый обличитель подлости и низости большевистского режима. Мы звали его ласково «Эммочка» и не можем поверить, что его с нами нет». Светлая память Эммануилу Менделевичу.

Адрес редакции: 103045, Москва, Большой Головин переулок, дом 22, строение 1,
комната 8.
Тел./факс (095) 207-7404, 207-6069. E-mail: mhg@glasnet.ru
Редактор Елена Гришина